Дом странных детей

Автор:
Ренсом Риггз

Дом странных детей

Ренсом Риггз

Мисс Перегрин #1

Шестнадцатилетний Джейкоб с детства привык к рассказам своего деда о его юности на далеком уэльском острове, в приюте для странных детей:
о чудовищах с тройными языками, о невидимом мальчике, о летающей девочке…
Единственным побочным эффектом этих выдумок были ночные кошмары, мучившие подростка. Но однажды кошмар ворвался в его жизнь, убив деда наяву…

Ренсом Риггз

Дом странных детей

First published in English by Quirk Books, Philadelphia, Pennsylvania

Перевод с английского:

Riggs R. Miss Peregrine’s Home for Peculiar Children: A Novel / Ransom Riggs. – Quirk Books, 2011. – 352 p.

© Ransom Riggs, 2011. All rights reserved

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2016

* * *

Сна нет, и смерти тоже нет.

Те, кто как будто умер, живы.

И отчий дом,

И други юности далекой,

Старик и дева,

Упорный труд и все его плоды

Обречены исчезнуть,

Превратясь в легенду.

Ральф Уолдо Эмерсон

Пролог

Не успел я принять тот факт, что меня ждет самая обыкновенная жизнь, как начали происходить совершенно незаурядные события. Первое из них стало для меня ужасным потрясением, и как все, что меняет нас раз и навсегда, раскололо мою жизнь на две части: До и После. Как и многие последующие сверхъестественные происшествия, оно непосредственно касалось моего деда, Абрахама Портмана.

Сколько себя помню, дедушка Портман всегда был для меня самым удивительным человеком из всех, кого я знал. Он рос в сиротском приюте, сражался на войне, преодолевал океаны на пароходах и пустыни на лошадях, выступал в цирках, знал все на свете об оружии и самообороне и говорил как минимум на трех языках помимо английского. Мальчишке, никогда не выезжавшему за пределы Флориды, все это казалось невообразимой экзотикой, и стоило мне его увидеть, как я принимался осаждать его просьбами попотчевать меня своими увлекательными историями. Он никогда мне не отказывал, излагая их с таким видом, будто делился секретами, которые можно было доверить только мне и никому более.

Когда мне исполнилось шесть лет, я решил, что мой единственный шанс вести жизнь хотя бы наполовину такую же увлекательную, как у дедушки Портмана, заключается в том, чтобы стать путешественником. Он всячески меня поощрял и проводил со мной целые дни, сгорбившись над картой мира и с помощью цепочки красных булавок разрабатывая маршруты воображаемых экспедиций. Попутно дедушка рассказывал о том, какие удивительные открытия мне предстоит когда-нибудь совершить. Я не делал секрета из своих честолюбивых планов и расхаживал по дому, прикладывая к одному глазу картонную трубу и громко восклицая: «По курсу земля!» и «Приготовиться к высадке!» Когда моим родителям это надоедало, они выставляли меня в сад. Думаю, они боялись, что дедушка заразит меня неизлечимой мечтательностью, от которой я уже никогда не смогу оправиться, и что все эти фантазии не позволят мне посвятить себя более практичным занятиям. И вот однажды мама усадила меня рядом с собой и объяснила, что я не смогу стать первооткрывателем, потому что в мире не осталось ничего неоткрытого и неизведанного. Мне следовало родиться в другом веке. Узнав, что опоздал, я почувствовал себя обманутым.

Еще обиднее мне стало, когда я узнал, что самые интересные из рассказов дедушки Портмана просто не могут быть правдой. Наиболее фантастические истории он рассказывал о своем детстве. Например, о том, что родился в Польше, но, когда ему исполнилось двенадцать, его привезли в детский дом в Уэльсе. Когда я спрашивал, почему ему пришлось уехать от родителей, он неизменно отвечал: потому что за ним охотились чудовища. По его словам, Польша буквально кишела чудовищами.

– Какими чудовищами? – широко раскрыв глаза, спрашивал я.

Этот вопрос я повторял очень часто.

– Ужасные сгорбленные чудовища с гниющей кожей и черными глазами, – отвечал дед. – А ходили они вот так!

С этими словами он тяжело плелся за мной подобно чудищам из старых фильмов, а я, громко хохоча, убегал прочь.

Каждый раз он добавлял к их образам все новые отвратительные подробности. От этих мерзких существ разило, как от разлагающихся отбросов. Они были невидимы, и заметить их можно было только по тени. В их ртах таились целые гнезда извивающихся щупалец, которые могли в одно мгновение будто выстрелить и тут же втащить жертву в пасть с мощными челюстями. Вскоре у меня появились проблемы со сном. Мое сверхактивное воображение превращало звук проезжающих по мокрому асфальту шин в чье-то затрудненное дыхание прямо у моего окна, а тени под дверью – в жгуты черно-серых щупалец. Я боялся этих чудовищ, но гордился дедушкой, который не только сражался с ними, но и победил их, оставшись в живых.

Еще более фантастическими были его рассказы о жизни в уэльском детском доме. По его словам, это было зачарованное место, созданное специально для того, чтобы оберегать детишек от чудовищ, и находилось оно на острове, где каждый день светило солнце и никто никогда не болел и не умирал. Все жили вместе в большом старом доме, охраняемом древней мудрой птицей. Во всяком случае так утверждал дедушка. По мере взросления я, однако, начинал сомневаться в правдивости его рассказов.

– А какая птица их охраняла? – спросил я, когда мне было лет семь, и скептически поглядел на него через карточный стол, за которым он только что позволил мне выиграть у него в «Монополию».

– Большая хищная птица, которая курила трубку, – ответил он.

– Дедушка, ты, наверное, думаешь, что я совсем глупый.

Он пролистал свою серьезно поредевшую пачку оранжевых и синих денег.

– Я не способен так о тебе думать, Якоб.

Я понял, что обидел его, потому что он произнес это с заметным польским акцентом, от которого ему так и не удалось окончательно избавиться и который особенно сильно проявлялся в минуты волнения. В итоге «способен» прозвучало как «спосопен», а «думать» как «тумать». Мне стало стыдно, и я решил задать ему следующий вопрос.

– Почему чудовища на вас охотились? – поинтересовался я.

– Потому что мы были не такими, как другие люди. Мы были странными.

– В каком смысле странными?

– У всех были разные странности, – пожал плечами он. – Одна девочка умела летать, в теле другого мальчика жили пчелы… Еще там были брат и сестра, которые могли поднимать и удерживать над головой огромные валуны.

Мне никак не удавалось понять, насколько серьезно он говорит. Но вроде бы мой дедушка не слыл шутником. Увидев сомнение на моем лице, он нахмурился.

– Ну хорошо, ты можешь не верить мне на слово, – произнес он. – У меня есть фотографии!

Оттолкнув назад садовый стул, он вошел в дом, оставив меня на веранде. А минуту спустя вернулся, сжимая в руках большую коробку из-под сигар. Я наклонился, чтобы получше разглядеть четыре помятых, пожелтевших снимка, которые он извлек на свет.

Первая фотография изображала нечто похожее на костюм, в котором… никого не было. Если допустить, что там кто-то был, то у этого человека не было головы.

– Конечно, у него есть голова! – улыбаясь, заверил меня дед. – Только ее не видно.

– Почему? Он что, невидимый?

– Ого! Да ты у нас мозговитый малый! – Дед приподнял брови, как будто я поразил его своими дедуктивными способностями. – Его звали Миллард. Забавный парень. Иногда он говорил: «Слышь, Эйб, а я знаю, что ты сегодня делал». И действительно мог рассказать, где ты был, что ел, ковырялся ли в носу, когда думал, что тебя никто не видит. Он часто ходил за кем-нибудь, тихий как мышь и совершенно голый, чтобы его не увидели, и наблюдал. – Дед покачал головой. – Подумать только!

Он подал мне другое фото и, подождав, пока я его рассмотрю, поинтересовался:

– Ну? Что ты видишь?

– Маленькую девочку.

– И?

– У нее на голове корона.

Он постучал пальцем по нижней части снимка.

– Как насчет ее ног?

Я присмотрелся повнимательнее. Ноги девочки не касались земли. Но она не подпрыгнула. Она как будто парила в воздухе. От удивления я открыл рот.

– Она летает!

– Вроде того, – кивнул дедушка. – Она левитирует. Только малышка не очень хорошо управляла своими способностями, поэтому иногда нам приходилось обвязывать ее веревкой, чтобы она никуда не улетела!

Я неотрывно смотрел на странноватое кукольное личико девочки.

– Это настоящая фотография?

– Конечно, настоящая, – ворчливо ответил дедушка, забирая у меня снимок и заменяя его другим, на котором тощий паренек держал над головой огромный валун.

– Виктор и его сестра были не слишком умны, – прокомментировал дед, – но какими же они были сильными!

– С виду он совсем не сильный, – произнес я, разглядывая щуплые руки подростка.

– Можешь поверить мне на слово – он был невероятно силен. Однажды я попробовал соревноваться с ним в армрестлинге, и он едва не оторвал мне руку!

Но самой странной оказалась последняя фотография. На ней был запечатлен затылок чьей-то головы, на котором кто-то нарисовал лицо.

Я молча смотрел на этот снимок, а дедушка Портман рассказывал:

– Видишь ли, у него было два рта. Один впереди и один сзади. Поэтому он так и растолстел!

– Но это подделка! – возразил я. – Это нарисованное лицо.

– Конечно, лицо ненастоящее. Его нарисовали для циркового представления. Но говорю тебе, у него действительно было два рта. Ты мне не веришь?

Я размышлял, глядя то на снимки, то на серьезное открытое лицо дедушки. Зачем ему врать?

– Я тебе верю, – кивнул я.

И я действительно ему верил. Во всяком случае на протяжении нескольких лет. Впрочем, в основном потому, что я хотел ему верить, так же, как другие дети моего возраста хотели верить в Санта-Клауса. Мы держимся за свои сказки до тех пор, пока цена веры в них не становится слишком высокой. Для меня это произошло во втором классе, когда во время ланча Робби Дженсен принялся дразнить меня перед столиком, за которым сидели девчонки, и объявил всем, что я все еще верю в фей. Это было расплатой за то, что я повторял в школе дедушкины рассказы. В эти унизительные секунды я увидел, как прозвище «зачарованный мальчик» тащится за мной из класса в класс, и, хотя это было совершенно незаслуженно, обиделся на деда.

В тот день дедушка Портман забрал меня из школы, как он делал довольно часто, когда мои родители были на работе. Я забрался на заднее сиденье его старенького «понтиака» и объявил, что больше не верю в его сказки.

– Какие сказки? – переспросил он, глядя на меня поверх очков.

– Сам знаешь. Те самые. О странных детишках и чудовищах.

Он, похоже, растерялся.

– Я не рассказывал тебе никаких сказок.

Я сообщил ему, что выдуманная история и сказка – это одно и то же, и что сказки рассказывают малышам, которые еще писают в штанишки, и что его фотографии – это подделка, а истории – сплошной обман, и мне это отлично известно. Я ожидал, что он рассердится или начнет спорить, но он произнес: «Как скажешь» и тронул машину с места. Вот и все. Больше мы к этой теме не возвращались.

Думаю, он этого ожидал. Рано или поздно я должен был вырасти из детской веры в чудеса. Но из-за того, что он даже не попытался убедить меня в подлинности своих историй, я почувствовал себя обманутым. Я не мог понять, зачем он все это придумал, зачем заставил меня поверить, что на свете бывает то, чего на самом деле быть не может. Лишь несколько лет спустя папа мне все объяснил. Когда он был маленьким, дедушка тоже рассказывал ему свои страшилки. На самом деле они были не ложью, а лишь утрированной правдой. История детства дедушки Портмана оказалась далеко не сказкой. Она была самым настоящим кошмаром.

Мой дедушка стал единственным членом своей семьи, которому удалось бежать из Польши до начала Второй мировой войны. Ему было всего двенадцать лет, когда родители посадили его в поезд, отправив к совершенно незнакомым людям в Британию. У мальчика не было ничего, кроме детского чемоданчика. И он уже никогда не вернулся на родину. В Польше у него остались мама и папа, старшие братья, кузены и кузины, тетки и дядья, но никого из них он больше не увидел. Все они умерли прежде, чем ему исполнилось шестнадцать. Их убили те чудовища, от которых мальчик едва успел спастись. Но это были вовсе не чудища с гниющей кожей и щупальцами во рту, которых способно породить воображение семилетнего ребенка. Это были марширующие рядами монстры в элегантной военной форме. Они выглядели настолько обыденно, что, когда ты понимал, кем они являются на самом деле, бывало уже слишком поздно.

Так же, как истории о монстрах, правдой, щедро приукрашенной фантазиями, оказались и рассказы о зачарованном острове. По сравнению с теми ужасами, что творились в Европе, детский дом, принявший моего дедушку, должно быть, представлялся ему раем. Поэтому в его воспоминаниях он и превратился в надежное пристанище, где всегда было лето и где ангелы-хранители оберегали особенных детей, которые на самом деле не умели летать, не превращались в невидимок и не поднимали валунов. Странность, за которую их преследовали, заключалась в том, что все они были еврейскими детьми. Сиротами, выброшенными на тот маленький остров волнами крови, затопившими Европу. И удивительными их делали вовсе не фантастические способности. Чудом было то, что им удалось избежать гетто и газовых камер.

Я перестал просить дедушку рассказывать мне его истории. Думаю, в глубине души он был этому даже рад. Тайна плотной стеной окружила подробности его детства и юности. Я не хотел бередить его раны. Он прошел сквозь ад и имел право на тайны. Мне было стыдно, что я когда-то завидовал ему. Цена

увлекательной судьбы была слишком высока, и я благодарил небо за свою обычную жизнь, в которой не было места чудесам и которую я получил в дар, ничем не жертвуя.

Однажды, когда мне исполнилось пятнадцать лет, произошло необычайное и ужасное событие. И моя собственная история раскололась на До и После.

Глава первая

Последний день моей жизни «до» я провел, сооружая копию Эмпайр-Стейт-билдинг из коробок памперсов для взрослых. В масштабе 1:10 000. Это была изумительная конструкция, не менее пяти футов в основании. Она возвышалась над входом в отдел косметики и считалась бы самим совершенством, если бы не одна жизненно важная деталь.

– Ты использовал памперсы «Неверлик», – вздохнула Шелли, со скептическим выражением лица обозревавшая мое творение. – А распродажа объявлена на «Стей-Тайт».

Шелли была менеджером магазина, ее сутулые плечи и кислое выражение лица представляли собой такую же неотъемлемую часть униформы, как и синие тенниски, которые мы все были вынуждены носить.

– Я думал, ты сказала «Неверлик», – возразил я, потому что так оно и было.

– «Стей-Тайт», – настаивала она, тряся головой с таким сожалением, как если бы моя башня была покалеченной скаковой лошадью, а она держала в руке пистолет с перламутровой рукоятью.

Последовало краткое неловкое молчание – она не переставала трясти головой и переводить взгляд с меня на башню и обратно. Я тупо смотрел на нее, как будто не понимая, что означают ее пассивно-агрессивные намеки.

– А-а-а-а-а, – наконец протянул я. – Ты хочешь, чтобы я все это переделал?

– Если бы ты не взял «Неверлик»… – повторила она.

– Не проблема. Я сейчас же возьмусь за это и все переделаю.

Носком черной форменной туфли я подковырнул одну-единственную коробку из фундамента башни. В мгновение ока великолепное сооружение рухнуло, во все стороны разметав коробки с памперсами. Те покатились по полу, отскакивая от ног испуганных покупателей, а некоторые долетели до автоматических дверей, заставив их распахнуться и впустить в магазин волну августовской жары.

Лицо Шелли налилось цветом спелого граната. Ей следовало бы меня немедленно уволить, но я знал, что на это можно и не надеяться. Я все лето пытался добиться того, чтобы меня уволили из «Смарт-Эйд», и убедился в том, что это почти невозможно. Я постоянно опаздывал, приводя в свое оправдание самые неуважительные причины, возмутительно ошибался, давая сдачу, а раскладывая товары по полкам, преднамеренно клал их не туда, куда нужно. Лосьоны у меня стояли рядом со слабительным, а противозачаточные средства красовались среди детских шампуней. Я редко шел к цели с таким упорством, но какую бы вопиющую некомпетентность я ни демонстрировал, Шелли так же упорно держала меня в штате.

Однако вышеизложенное нуждается в уточнении. Все это касалось исключительно меня. Любого другого сотрудника мигом уволили бы из «Смарт-Эйд» за гораздо менее серьезные нарушения дисциплины. Это стало для меня первым уроком политики. В моем родном, маленьком и сонном курортном городке Инглвуд имеется три точки «Смарт-Эйд». В округе Сарасота их двадцать семь, а во всей Флориде сто пятнадцать. Сеть этих парфюмерных магазинов расползлась по всему штату подобно какой-то неизлечимой сыпи. А причина, по которой меня не могли уволить, заключалась в том, что все до единого магазины принадлежали моим дядьям. А сам я не мог уйти, потому что не имел права нарушать освященную десятилетиями семейную традицию, гласившую: первой работой всех членов семьи просто обязана стать работа в сети «Смарт-Эйд». Все, чего мне удалось достичь в ходе упорной кампании по самосаботажу, сводилось к враждебности со стороны Шелли и глубокой стойкой неприязни со стороны коллег. Впрочем, будем смотреть правде в лицо – мне в любом случае ни на что другое и рассчитывать не стоило. Ведь сколько бы рекламных экспозиций я ни разрушил, скольких бы покупателей ни обсчитал, мне все равно, в отличие от них, предстояло унаследовать солидный кусок компании.

* * *

Шелли преодолела барханы из подгузников и, ткнув пальцем мне в грудь, собралась было произнести что-то суровое, как вдруг ее опередила система громкой связи.

– Джейкоб, вам звонят по второй линии. Джейкоб, вторая линия.

Она свирепо на меня уставилась, а я попятился и бросился бежать, оставив Шелли с ее гранатовым лицом посреди развалин моей башни.

* * *

Комната для сотрудников представляла собой сырое помещение без окон, в котором я застал фармацевта Линду. Озаряемая сиянием автомата с прохладительными напитками, она жевала бутерброд и при виде меня кивнула в сторону телефона.

– Тебя ждут на второй линии. Кто бы это ни был, он перепуган насмерть.

Я взял болтающуюся у стены трубку.

– Якоб, это ты?

– Привет, дедушка.

– Якоб, слава Богу! Мне нужен ключ. Где мой ключ? – тяжело дыша, спросил он.

Дед явно был очень расстроен.

– Какой ключ?

– Не валяй дурака! – резко ответил он. – Ты прекрасно знаешь, какой ключ.

– Наверное, ты сам его куда-то положил и забыл.

– Тебя подговорил отец, – вздохнул он. – Просто скажи мне. Ему об этом знать необязательно.

– Никто меня не подговаривал. – Я попытался сменить тему разговора. – Ты сегодня принимал лекарства?

– Они за мной придут, ты это понимаешь? Я не знаю, как они меня нашли. Прошло столько лет. Но им это удалось. Чем прикажешь от них отбиваться? Этим чертовым ножом для масла?

Подобные разговоры я слышал не впервые. Мой дедушка старел и, надо было честно себе в этом признаться, постепенно выживал из ума. Поначалу признаки его слабоумия были едва заметны. К примеру, он мог назвать мою маму именем тети или забыть сходить за продуктами. Но за это лето его состояние резко ухудшилось. Фантастические истории, которые он рассказывал о своей жизни во время войны и в которых шла речь о чудовищах и заколдованном острове, стали для него угнетающе реальными. На протяжении последних недель его возбуждение нарастало, и мои родители, опасаясь того, что он представляет угрозу для самого себя, начали всерьез задумываться о помещении его в специальный пансионат. По какой-то непонятной причине с подобными апокалиптическими заявлениями он звонил только мне.

Я, как обычно, попытался его успокоить.

– Тебе ничто не угрожает. Все хорошо. Я привезу какой-нибудь фильм, и мы вместе его посмотрим. Как тебе такая идея?

– Нет! Оставайся там, где ты находишься. Здесь небезопасно.

– Дедушка, никакие чудовища за тобой не придут. Ты их всех убил во время войны. Разве ты забыл?

Заметив, что Линда только делает вид, что читает модный журнал, а сама бросает на меня любопытные взгляды, прислушиваясь к столь странному разговору, я отвернулся лицом к стене.

– Не всех, – отозвался дедушка. – Нет, нет, нет. Да, конечно, я убил очень многих, но они все лезут и лезут. – Я слышал, как он мечется по дому, со стуком выдвигая ящики и хлопая дверцами. Он был в полном отчаянии. – Держись подальше отсюда, ты меня слышишь? Я справлюсь. Я отрежу их языки и выколю им глаза. Этого вполне достаточно! Если бы я только мог найти этот чертов КЛЮЧ!

Упомянутый ключ открывал замок огромного сейфа, расположенного в дедушкином гараже. Внутри находился целый склад ружей, пистолетов и ножей, которых хватило бы, чтобы вооружить небольшой отряд ополчения. Дед полжизни потратил на то, чтобы собрать эту коллекцию, для чего ездил на всевозможные оружейные выставки, порой расположенные далеко за пределами нашего штата. Временами он выезжал на охоту и на стрельбища, куда таскал за собой и семью, совершенно не желающую учиться стрелять. Он так любил свои пистолеты, что иногда и спал с ними. Однажды папа показывал мне старую фотографию, на которой дедушка Портман дремал на диване с пистолетом в руке.

Когда я спросил у папы, почему дедушка так обожает оружие, он пояснил, что с людьми, которые воевали или пережили травмирующие психику события, так иногда бывает. Наверное, после всего, через что ему пришлось пройти, дедушка Портман уже нигде не чувствовал себя в безопасности. Даже дома. Ирония ситуации заключалась в том, что теперь, когда его сознанием завладели галлюцинации и паранойя, это стало правдой. Даже дома ему угрожала опасность, исходившая прежде всего от его собственного оружия. Именно поэтому папа и спрятал ключ.

Я снова солгал деду, повторив, что не знаю, где лежит ключ. В трубке продолжал раздаваться топот и стук. Дедушка Портман в отчаянии метался по дому в поисках пропажи.

– Фух! – наконец выдохнул он. – Пусть ключ останется у твоего папочки, раз он так ему нужен. Только в придачу он получит и мой труп!

Я как можно вежливее окончил разговор и перезвонил отцу.

– Дедушка съезжает с катушек, – сообщил я ему.

– Он принимал сегодня пилюли?

– Он мне этого не сказал. Но, судя по всему, нет.

Папа вздохнул.

– Ты не мог бы съездить и присмотреть за ним? Я пока не могу отлучиться с работы.

Мой папа работал волонтером в организации по спасению птиц, где помогал выхаживать белых цапель, сбитых машинами, и пеликанов, проглотивших рыболовные крючки. Он был орнитологом-любителем и будущим писателем-натуралистом, в доказательство чего в его столе скопилась целая кипа неопубликованных рукописей. Все это могло считаться настоящей работой лишь при наличии жены, семья которой по чистой случайности владела ста пятнадцатью аптекарскими магазинами.

Разумеется, моя собственная работа тоже не могла считаться настоящей, и я имел возможность слинять в любой момент. Я пообещал съездить к деду.

– Спасибо, Джейк. А я тебе обещаю, что скоро мы утрясем все проблемы с дедушкой. Договорились?

Все эти проблемы с дедушкой.

– Вы хотите отдать его в дом престарелых? – поинтересовался я. – Переложить груз на чужие плечи?

– Мы с мамой еще ничего не решили.

– Все вы решили.

– Джейкоб…

– Папа, я вполне могу с ним управиться. Честное слово.

– Пока еще можешь. Но его состояние ухудшается.

– Ну и пусть. Мне все равно.

Я повесил трубку, позвонил своему другу Рики и попросил его подвезти меня к дедушке. Через десять минут с парковки донесся хриплый клаксон его древней «Краун-Виктории», не узнать который было невозможно. Выбегая из магазина, я на ходу сообщил Шелли печальное известие: башне из подгузников «Стей-Тайт» придется обождать до завтра.

– Срочное семейное дело, – пояснил я.

– Ясно.

Я выскочил в липкий вечер и увидел Рики, который сидел на капоте своего потрепанного автомобильчика и курил. В его облепленных грязью сапогах, срывающихся с губ колечках дыма и лучах заходящего солнца, освещающих его зеленую шевелюру, было что-то такое, что напомнило мне Джеймса Дина. Только этот «Джеймс Дин» был не просто южанином – он был панком. А если точнее, то, пожалуй, Рики являлся странным продуктом перекрестного опыления субкультур, возможного только в Южной Флориде.

При виде меня он соскочил с капота и заорал на всю парковку:

– Тебя уже выперли?

– Тсс-с! – зашипел я, подбегая к нему. – Они не знают о моем плане.

Рики хлопнул меня по плечу – жест, который, по его замыслу, должен был меня подбодрить, но на деле чуть не выбил мне плечевой сустав.

– Не переживай, особенный мальчик. Время терпит.

Он называл меня особенным мальчиком, потому что я посещал занятия для одаренных детей, хотя в нашей школе они входили в перечень обязательных для изучения дисциплин. Почему-то Рики это казалось ужасно забавным. Таким образом, наша дружба основывалась как на обоюдном раздражении, так и на взаимопомощи. Последняя заключалась в негласном договоре на использование им моих мозгов, а мной – его кулаков. Я помогал ему не провалить английский, а он обеспечивал мне защиту от накачанных стероидами социопатов, рыщущих по коридорам нашей школы. То, что в его присутствии мои родители чувствовали себя не в своей тарелке, стало дополнительным бонусом. Рики был моим лучшим другом, хотя подобной характеристикой я пытаюсь скрыть тот унизительный факт, что он был моим единственным другом.

Рики пнул ногой дверь своей «Краун-Вики», поскольку открывалась она именно таким образом, и я залез внутрь. Тачка была совершенно потрясным образчиком стихийного народного творчества. Рики купил ее на городской свалке за жестянку мелочи. Во всяком случае так он утверждал. Вонь в машине стояла такая, что ее не в состоянии был замаскировать даже свисавший с потолка целый лес освежителей воздуха. Сиденья были обмотаны изолентой, что не позволяло пружинам втыкаться в задницу желающим прокатиться на этом музейном экспонате. Но внешний вид «Вики» поражал воображение, являя собой ржавый лунный пейзаж из дыр и вмятин, образовавшихся в результате хитроумного плана Рики заработать денег на бензин. План заключался в том, что хозяин разрешал пьяным гулякам нанести удар по машине клюшкой для гольфа по цене доллар за удар. Единственное правило, за соблюдением которого Рики неукоснительно следил, гласило: никаких ударов по стеклу.

Двигатель затарахтел, выпустив облако синего дыма. Мы покинули стоянку и покатились мимо вытянувшихся вдоль улицы торговых центров, держа курс на жилище дедушки Портмана. Пытаясь представить себе, что нас ждет впереди, я уже не находил себе места от беспокойства. Самые ужасные сценарии в моей голове живописали дедушку, бегающего голышом по улице, его же, размахивающего винтовкой на лужайке перед домом или залегшего в засаде с тяжелым предметом в руке. Одним словом, мы могли столкнуться с чем угодно. Меня особенно беспокоило то, что я не знал, каким будет первое впечатление Рики о человеке, которого я всегда упоминал с благоговением.

Пока мы подъезжали к поселку, где жил дедушка, небо приобрело цвет свежего кровоподтека. Само местечко, известное под названием Круговая деревня, представляло собой удивительный лабиринт сплетающихся улочек, переулков и

тупиков. Мы остановились перед въездом в поселок, чтобы заявить о своем прибытии, но старик в будке охранника громко храпел, а ворота были распахнуты настежь, поэтому мы просто въехали и приступили к поискам. Мой телефон пискнул, приняв сообщение от папы, желавшего знать, как обстоят дела. За несколько секунд, потребовавшихся мне для ответа, Рики умудрился окончательно заблудиться. Когда я сказал, что понятия не имею, где мы находимся, он выругался и осуществил серию резких поворотов на месте. Пока он крутил руль и выпускал в окно струи слюны вперемешку с жевательным табаком, я изучал окрестности в поисках знакомых ориентиров. Это было нелегко, хотя за свою жизнь я бессчетное количество раз побывал в гостях у дедушки. Все дома были похожи как дождевые капли. Эти приземистые строения отличались друг от друга лишь самыми ничтожными деталями. Тут стены были отделаны алюминиевым сайдингом, здесь обшиты деревянными панелями в стиле семидесятых, а вот бредовая в своей напыщенности гипсовая колоннада… Таблички с названиями улиц выгорели на солнце, превратившись в сверкающие белые пластины, и ничем не могли нам помочь. Единственными реальными ориентирами служили странноватые живописные украшения лужаек, превращавших Круговую деревню в настоящий музей под открытым небом.

Наконец мне удалось узнать почтовый ящик, сто лет назад водруженный на вытянутые руки металлического дворецкого, который, несмотря на свою прямую спину и высокомерное выражение лица, все же плакал стекающими по щекам ржавыми слезами. Я крикнул Рики, чтобы он поворачивал налево. «Вика» взвизгнула шинами, а я с размаху влип в дверцу. Наверное, удар что-то высвободил в моем мозгу, потому что внезапно ко мне вернулась память.

– Направо возле толпы фламинго! Налево возле торчащих на крыше и выряженных в национальные костюмы Санта-Клаусов! Прямо мимо писающих херувимов! – выпалил я в Рики.

Миновав ангелочков, тот сбросил скорость, с явным сомнением вглядываясь в торчащие вдоль улицы дома. Нигде не было видно ни единого огонька. За окнами не мерцали экраны телевизоров, у дверей не стояли автомобили. Все дедушкины соседи сбежали на север, спасаясь от жары и бросив на произвол судьбы лужайки и гномов, едва виднеющихся из высокой травы. Ставни были плотно закрыты на случай урагана, и каждый дом походил на маленькое бомбоубежище пастельного цвета.

– Последний дом слева, – сообщил я Рики.

Он нажал на газ, и мы промчались по улице. У четвертого или пятого по счету дома мы увидели старика, поливающего лужайку. Он был лыс, как яйцо, и одет в халат. Его ноги в шлепанцах скрывали высоченные заросли травы. Дом у него за спиной был таким же темным и закрытым, как и все остальные. Я обернулся, чтобы разглядеть его получше, и он тоже проводил нас взглядом. Но видеть нас он не мог. Я в ужасе отметил его молочно-белые, гладкие и блестящие глаза. Как странно, – подумал я. – Дедушка Портман никогда не говорил, что кто-то из его соседей слеп.

Улица оканчивалась сосновой рощицей, и Рики резко повернул налево к дому моего дедушки. Он заглушил двигатель, вылез наружу и пинком ноги открыл мою дверцу. Шурша сухой травой, мы подошли к крыльцу.

Я позвонил и подождал. Где-то залаяла собака. Удушливый вечер, казалось, поглотил этот одинокий звук. Не дождавшись ответа, я предположил, что звонок не работает, и начал колотить в дверь кулаком. Рики отбивался от налетевшей на нас тучи мошкары.

– Может, он ушел на свидание? – ухмыльнулся мой друг. – Как он относится к дамам?

– Смейся сколько хочешь, – пожал плечами я. – Только ему снять даму намного легче, чем нам с тобой. Причем в любой момент. Эти края кишат аппетитными вдовушками.

Я шутил в отчаянной попытке успокоиться. От царящей вокруг тишины мне было не по себе.

Из тайника в кустах я извлек запасной ключ.

– Жди здесь, – бросил я Рики.

– Еще чего! Какого черта?

– Потому что ты верзила с зелеными волосами, мой дедушка тебя не знает и у него гора оружия.

Рики пожал плечами и сунул за щеку очередной комок табака. Он развалился на садовом стуле, а я отпер дверь и шагнул внутрь.

Даже в сумерках было видно, что в доме царит бедлам. Все выглядело так, как будто тут орудовали воры. Книги были сброшены с полок, а вещи вывернуты из шкафов. Пол устилали журналы «Ридерз-Дайджест» и всевозможный хлам, перевернутые стулья и диванные подушки. Дверцы холодильника и морозилки были распахнуты, а их содержимое растаяло и липкими лужами растеклось по линолеуму.

У меня оборвалось сердце. Дедушка Портман и правда окончательно сошел с ума. Я позвал его по имени, но ответа не получил.

Я переходил из комнаты в комнату, включая свет и осматривая все закоулки, где страдающий паранойей старик мог бы спрятаться от осаждающих его «чудовищ»: за мебелью, на чердаке, под верстаком в гараже. Я даже осмотрел его сейф с оружием. Он, разумеется, был заперт, а ручку окружали царапины. Дедушка пытался его вскрыть. На веранде покачивались на ветру заросли порыжевших без полива папоротников. Встав на колени и замирая от ужаса, я исследовал пространство под плетеными скамейками.

Мне почудилось, что в саду что-то блестит.

Сбежав с крыльца, я обнаружил в траве включенный фонарь. Его луч указывал на лес, вплотную подступавший к дедушкиному саду. Целая миля зарослей из карликовых пальм и кустарников отделяла Круговую деревню от следующего поселка под названием Вековой Лес. Согласно местным преданиям, этот лес кишел змеями, енотами и дикими кабанами. При мысли о том, что несчастный растерянный старик в одном халате блуждает по этой чаще, мне стало плохо. Не проходило и недели, чтобы в новостях не появилось сообщение о каком-нибудь престарелом гражданине, упавшем в пруд и ставшем жертвой аллигаторов. Я попытался приготовиться к самому худшему варианту развития событий.

Я позвал Рики, и мгновение спустя он возник из-за угла дома. Он тут же заметил нечто, упущенное мной: рваный разрез в сетке двери на веранду. Он даже присвистнул.

– Ни фига себе! Это может быть работенка дикого кабана. Или рыси. Ты бы видел, какие у них когти.

Неподалеку раздался истошный лай. Мы вздрогнули и испуганно переглянулись. Этот звук, как водится, породил цепную реакцию, и вскоре лай доносился уже со всех сторон.

– Может, это сделала собака? – предположил я.

– Может, – кивнул Рики. – У меня в багажнике имеется винчестер. Подожди меня здесь. – И он убежал за оружием.

Лай стих, и стал отчетливо слышен гул ночных насекомых, показавшийся мне зловещим и даже каким-то инопланетным. По моему лицу стекали струйки пота. Было уже темно, но ветер окончательно стих, и стало даже как будто жарче, чем днем.

Я поднял фонарь и шагнул к лесу. Я был уверен, что мой дедушка где-то там. Но где именно? Ни я, ни Рики следопытами не были. И все же меня как будто что-то вело. Какое-то ощущение в груди, шепот в тягучем воздухе… Вдруг я понял, что не могу больше ждать ни секунды. Я ринулся в подлесок, как гончая, идущая по невидимому следу.

В лесах Флориды, где пространство, не занятое деревьями, заросло высокими пальмовыми побегами и оплетено лианами, бегать очень трудно. Но я рвался вперед, освещая дорогу фонариком и беспрестанно окликая деда. Боковым зрением я заметил в высокой траве что-то белое и блестящее. При ближайшем рассмотрении это нечто оказалось выгоревшим на солнце, спущенным футбольным мячом, который я потерял много лет назад.

Я уже хотел отказаться от дальнейших поисков и вернуться к Рики, как вдруг увидел узкий коридор свежепримятой пальмовой поросли. Я шагнул туда и посветил вокруг себя фонариком. Листья растений были забрызганы чем-то темным. У меня в горле все пересохло, но я взял себя в руки и двинулся вперед. Я шел, а у меня в животе внутренности скручивались в тугой узел, как будто тело знало, что ждет меня впереди, и пыталось предостеречь. Тут узкий след в подлеске вывел меня на поляну и я увидел его.

Мой дедушка лежал на ковре из ползучих растений, разбросав в стороны ноги. Одна рука была неловко подвернута, как будто он упал с большой высоты. Я подумал, что он мертв. Его сорочка была пропитана кровью, брюки порвались, и на одной ноге недоставало туфли. Я долго молча смотрел на него, и луч фонаря дрожал, освещая его тело. Когда я понял, что снова могу дышать, я окликнул его, но он не пошевелился.

Я упал на колени и прижал ладонь к его спине. Пропитавшая рубашку кровь все еще была теплой. Я почувствовал, что он часто и поверхностно дышит.

Я просунул под него руку и перевернул деда на спину. Он был жив, хотя жизнь едва теплилась в его теле. Его глаза остекленели, а лицо осунулось и побелело. Тут я увидел раны у него на животе и едва не потерял сознание. Они были глубокими и широкими, забитыми грязью, потому что земля там, где он лежал, раскисла от крови. Я попытался накрыть раны обрывками его сорочки, избегая смотреть на этот изуродованный живот.

Я услышал, как Рики, оставшийся в саду, кричит:

– Я ЗДЕСЬ!

Я закричал в ответ. Возможно, мне следовало предостеречь его, крикнув «опасность» или «кровь», но я не смог вымолвить ни слова. Все, о чем я мог думать, так это то, что дедушки должны умирать в постели, в тихой, напичканной медицинской аппаратурой палате, а не лежа ничком на зловонной траве, сжимая в дрожащей руке медный нож для конвертов и даже не чувствуя ползающих по всему телу муравьев.

Нож для конвертов. Ему больше нечем было защититься. Я осторожно отнял у него нож, и он начал беспомощно хватать рукой воздух, поэтому я взял его ладонь, оплетенную набухшими фиолетовыми венами, и ласково сжал ее. Мои пальцы с обкусанными ногтями сплелись с его бледными пальцами.

– Я должен тебя перенести, – сказал я, продевая одну руку ему под спину, а вторую под колени.

Я начал его поднимать, но он застонал и напрягся, поэтому я замер. Я не мог причинить ему боль. И не мог его бросить. Мне оставалось только ждать, и я

осторожно смахнул землю с его лица, рук и редеющих седых волос. В этот момент я заметил, что его губы шевелятся.

Его голос был едва различим. Это не было даже шепотом. Я наклонился и приблизил ухо к его губам. Он что-то бормотал, переходя с английского на польский и обратно, временами теряя всякую связь с окружающим.

– Я не понимаю, – прошептал я.

Я повторял его имя, пока его взгляд не сфокусировался на мне. Он сделал глубокий вдох и тихо, но отчетливо произнес:

– Якоб, ты должен уехать на остров. Оставаться здесь опасно.

Это была все та же старая паранойя. Я стиснул его руку и заверил, что все хорошо, что с ним все будет в порядке. За этот день я лгал ему во второй раз.

Я спросил, что случилось, какое животное на него напало, но он меня не слушал.

– Ты должен уехать на остров, – повторял он. – Там ты будешь в безопасности. Пообещай мне.

– Хорошо, уеду. Обещаю.

Что еще я мог ему ответить?

– Я думал, что смогу тебя защитить, – прошептал он. – Я должен был давно все тебе рассказать…

Я видел, что жизнь его покидает.

– Рассказать мне что? – глотая слезы, спросил я.

– Времени больше нет, – прошептал он. Затем поднял голову с земли и, дрожа от усилия, выдохнул мне в ухо: – Найди птицу. В петле. По ту сторону от могилы старика. Третье сентября сорокового года. – Я кивнул, но он видел, что я не

понимаю. – Эмерсон. Письмо… – собрав последние силы, прошептал он. – Расскажи им о том, что со мной случилось, Якоб.

С этими словами он опустился на землю, обессилевший и угасающий. Я сказал, что люблю его. А потом он как будто исчез внутри себя и его взгляд, минуя меня, устремился к небу, уже ощетинившемуся иголками звезд.

Мгновение спустя из кустов, треща сучьями, появился Рики. Он увидел обмякшего у меня на руках старика и попятился.

– О Господи! Господи Иисусе! – пробормотал он, растирая лицо ладонями.

Он принялся говорить что-то насчет необходимости нащупать пульс и вызвать полицию, потом спросил, не видел ли я чего-нибудь в лесу. А меня вдруг охватило престранное чувство. Я выпустил из объятий тело дедушки и встал. Инстинкт, о наличии которого я даже не подозревал, заставлял трепетать каждую клеточку моего тела. Я точно знал, что в лесу что-то есть. Я это чувствовал.

Луны не было, и все вокруг, не считая меня и Рики, замерло. Тем не менее я каким-то образом знал, когда поднять фонарик и куда его направить. И в какое-то мгновение узкий луч света выхватил из мрака лицо, которое будто явилось прямо из кошмарных снов моего детства. Оно смотрело на меня глазами, плавающими в лужах темной жидкости. Лоскуты угольно-черной кожи болтались на его сгорбленных плечах, а рот уродливо открылся. Изо рта свисало множество извивающихся, как угри, языков. Я что-то закричал, и существо развернулось и исчезло, треща ветками кустов и привлекая внимание Рики. Тот вскинул винчестер и начал стрелять «пап-пап-пап-пап» с криком:

– Что это было?! Какого черта?!

Но он ничего не увидел, а я утратил дар речи и не мог сказать ему ни слова. Я застыл там, где стоял, и мигающий свет «сдыхающего» фонарика тускло освещал пустой лес. А потом я, должно быть, потерял сознание, потому что Рики говорил: Джейкоб, Джейк, эй, парень, тывпорядкеиличтостобой, и больше я ничего не помню.

Глава вторая

Месяцы, которые последовали за смертью дедушки, я провел в чистилище бежевых приемных и безликих кабинетов. Меня осматривали и расспрашивали, заставляя повторяться и кивая каждому моему слову; обо мне говорили шепотом, так, чтобы я не услышал, и поглядывали на меня с нескрываемой жалостью, озабоченно сдвинув брови. Опасаясь за мою психику, родители обращались со мной как с хрупкой реликвией. В моем присутствии отныне нельзя было ни ссориться, ни сетовать на жизнь.

Меня преследовали кошмары, и я с криком вскакивал посреди ночи. Я так скрежетал зубами во сне, что мне приходилось защищать их капой, чтобы не раскрошить до основания. Стоило мне закрыть глаза, как передо мной снова возникало увиденное в лесу чудовище со ртом, полным щупалец. Я был убежден, что это оно убило дедушку и скоро вернется за мной. Иногда на меня накатывала та же тошнотворная паника, которую я испытал тем вечером, и я был твердо убежден, что оно притаилось и ждет где-то совсем рядом – в темной роще, возле соседней машины на парковке, за гаражом, в котором я держал велосипед…

Я решил для себя эту проблему, перестав выходить из дома. Неделями я отказывался даже забирать утренние газеты с крыльца и спал в куче одеял на полу прачечной, единственной комнаты во всем доме, где не было окон, а дверь запиралась изнутри. Именно там я провел день похорон дедушки, сидя на сушилке с ноутбуком на коленях и пытаясь отвлечься от черных мыслей онлайн-играми.

Я винил себя в том, что произошло. Если бы я только ему поверил, – без конца твердил себе я. Но не поверил, и все остальные тоже. И теперь я знал, что он чувствовал, – мне тоже никто не верил. Моя версия событий казалась абсолютно рациональной, пока меня не вынуждали ее озвучить, и тогда она представала полным безумием, особенно когда пришлось излагать ее полицейскому, явившемуся к нам домой. Я рассказал ему обо всем, что произошло, даже о чудовище, а он только кивал и ничего не записывал в свой блокнот. Когда я закончил, полицейский сказал:

– Отлично. Спасибо. Вы его кому-нибудь показывали? – поинтересовался он, оборачиваясь к моим родителям.

Как будто я не знал, что это означает. Я сказал, что хотел бы сделать еще одно заявление, затем показал ему средний палец и вышел.

Впервые за несколько недель родители на меня наорали. Я с облегчением вслушивался в эти привычные, родные звуки. Я тоже выкрикнул в ответ пару гадостей. Что они рады тому, что дедушка Портман умер. Что, кроме меня, его никто по-настоящему не любил.

Полицейский о чем-то посовещался с моими родителями возле дома и уехал с тем, чтобы вернуться через час и привезти с собой человека, который представился художником-криминалистом. Художник достал большой альбом и попросил меня снова описать чудовище. Я начал рассказывать, а он рисовал, время от времени задавая уточняющие вопросы.

– Сколько у него было глаз?

– Два.

– Ясно, – кивнул он, как будто художникам-криминалистам вовсе не в новинку рисовать чудовищ.

Было совершенно очевидно, что они просто пытаются меня утихомирить. Он окончательно выдал себя, попытавшись вручить мне готовый рисунок.

– Разве вам это не нужно? Для материалов дела и все такое? – спросил я.

Он приподнял брови и переглянулся с полицейским.

– Ах, ну да. О чем я думаю?

Все это было неописуемо оскорбительно.

Мне не верил даже мой лучший и единственный друг Рики, а ведь он был там со мной! Он клялся и божился, что не видел в лесу никакого чудовища, хотя я

светил фонариком прямо тому в лицо. Он так и сказал полицейским. Зато Рики слышал лай. Мы оба его слышали. Поэтому никто особенно не удивился заключению полиции, гласившему, что дедушку убила стая озверевших собак. Судя по всему, такую стаю видели неподалеку. Всего неделю назад она напала на женщину в Сенчури-Вудз. И это тоже произошло ночью.

– Именно тогда, когда этих чудовищ труднее всего разглядеть! – воскликнул я, обращаясь к Рики.

Но тот лишь покачал головой и пробормотал что-то насчет того, что мне нужен псих.

– Ты хочешь сказать, психиатр, – вздохнул я. – Как я рад, что ты меня понимаешь.

Мы сидели на плоской крыше моего дома, наблюдая закат солнца над заливом. Рики, как пружина, свернулся на смехотворно дорогом адирондакском[1 - Этот красивый фольклорный стиль получил свое название от гор Адирондак, которые находятся на северо-востоке штата Нью-Йорк (США), где он и возник в середине XIX века. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)] стуле, который мои родители привезли из поездки в края, населенные амишами[2 - Амиши – религиозное движение последователей Якоба Аммана, возникшее в 1693 году в Европе. Амиши ценят сельскую жизнь, ручной труд, скромность и простоту. В настоящее время большинство из них проживает в США и Канаде.]. Ноги он поджал под себя, а руки скрестил на груди и с видом угрюмой решимости беспрестанно курил сигареты. Мне всегда казалось, что у меня дома ему слегка не по себе. Но по тому, как он поспешно отводил глаза в сторону, не успевая даже задержать на мне взгляд, я видел, что сейчас его смущает не богатство моих родителей, а я сам.

– Думай что хочешь, но я тебе честно скажу, – вздохнул он. – Продолжай чесать о монстрах, и они тебя упекут. Вот тогда ты действительно станешь особенным мальчиком.

– Хватит меня так называть.

Он щелчком отбросил сигарету и выплюнул через перила огромный блестящий комок табака.

– Ты что, одновременно курил и жевал табак?

– А ты что, моя мамочка?

– А что, похоже, что я отсасываю дальнобойщикам за продуктовые талоны?

Рики был большим любителем шуточек о мамуле, но это оказалось чересчур даже для него. Он вскочил со стула и толкнул меня так сильно, что я чуть не упал с крыши.

– Проваливай отсюда! – заорал я, но он уже шагал прочь.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я увидел его снова. Вот тебе и друзья.

* * *

В конце концов родители таки повезли меня к психотерапевту, сдержанному смуглому человечку по фамилии Голан. Я не сопротивлялся. Я знал, что нуждаюсь в помощи.

Я думал, что окажусь крепким орешком, но доктор Голан раскусил меня на удивление легко. Своим спокойствием и невозмутимостью он практически загипнотизировал меня. Ему хватило двух сеансов, чтобы убедить меня в том, что чудовище было не более чем продуктом моего перевозбужденного воображения. Смерть дедушки так меня потрясла, что я начал видеть то, чего на самом деле не было. Ведь изначально именно дедушка Портман поместил это существо в мое сознание, объяснял доктор Голан. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, пережив самое жестокое в своей короткой жизни потрясение, я увидел то, чего всю жизнь боялся мой дед.

У этого состояния даже было название: острая стрессовая реакция.

– Это так тупо, – пошутила мама, услышав мой диагноз. – Не вижу в этом ничего острого.

Ее шутка оставила меня равнодушным. Все, что угодно, лишь бы не простой диагноз «помешательство».

Но то, что я больше не верил в чудовища, никак не улучшило моего состояния. По ночам я по-прежнему просыпался от кошмаров. Я вздрагивал и страдал от мании преследования. Я испытывал затруднения в общении с другими людьми, и мои родители наняли мне учителя, чтобы я мог учиться дома, а в школу ходить только тогда, когда чувствую в себе силы. Они также – наконец-то! – позволили мне бросить работу в «Смарт-Эйд». Я должен был поправиться, и это стало моей новой работой.

Очень быстро это занятие мне также надоело. Я решил добиться того, чтобы с этой должности меня тоже уволили. Как только стало ясно, что мое безумие временное, задача доктора Голана свелась к выписыванию рецептов. Тебе все еще снятся кошмары? У меня кое-что от этого есть. Паническая атака в школьном автобусе? Вот это тебе поможет. Не можешь уснуть? Давай увеличим дозу. От всех этих пилюль я толстел и тупел, но продолжал влачить жалкое существование и спал всего по три-четыре часа за ночь. Поэтому я начал лгать доктору Голану. Я делал вид, что все хорошо, в то время как мешки у меня под глазами были видны невооруженным глазом, а любой неожиданный звук заставлял меня нервно вздрагивать. В течение целой недели я придумывал сны, которые выглядели скучными и обыкновенными, как сны нормального человека. В одном из них я был на приеме у зубного врача, в другом летал. А однажды я сказал доктору Голану, что две ночи подряд мне снилось, что я пришел в школу полностью голым.

– Как насчет чудовищ? – оборвал он меня.

Я пожал плечами.

– Никаких чудовищ. Наверное, это означает, что я выздоравливаю?

Доктор Голан постучал ручкой по столу и что-то записал.

– Я надеюсь, ты не рассказываешь мне то, что, по твоему мнению, я хочу слышать.

– Конечно, нет, – заверил я его, скользя взглядом по развешанным на стенах дипломам, свидетельствующим о его профессионализме и компетенции в различных отраслях психологии и психиатрии, включая, разумеется, и умение понять, когда страдающий от острого стресса пацан лжет своему доктору.

– Давай начистоту. – Он отложил ручку. – Ты хочешь сказать, что за всю неделю тебе ни разу не приснился этот сон?

Я никогда не умел врать. Чтобы окончательно не опозориться, я решил уступить.

– Ну, может, только один раз, – пробормотал я.

На самом деле на этой неделе не было ни одной ночи, прошедшей без этого сна. Не считая незначительных подробностей, кошмар всегда был следующим. Я скорчился в углу дедушкиной спальни. В окнах угасает янтарный вечерний свет. В руках я сжимаю розовую пластмассовую винтовку и целюсь в дверь. Там, где должна стоять кровать, высится огромный торговый автомат. Только он набит не батончиками, а рядами острых, как бритва, тактических ножей и бронебойных пистолетов. Возле автомата стоит мой дедушка, одетый в старую британскую военную форму. Он скармливает автомату долларовые бумажки. Но пистолет стоит дорого, и мы, кажется, не успеваем. Наконец к стеклу движется сверкающий кольт, но вместо того, чтобы упасть дедушке в руки, он застревает в автомате. Дед изрыгает ругательство на идише, опускается на колени и просовывает внутрь руку, пытаясь схватить пистолет, но теперь застревает и его рука. Вот тут-то они и появляются. Их длинные черные языки скользят по окну снаружи, пытаясь пробраться внутрь. Я целюсь в них и нажимаю на спусковой крючок, но ничего не происходит. Тем временем дедушка Портман кричит, как сумасшедший: «Найди птицу! Найди петлю! Якоб, ну пашему ты не понимаешь?! Какой ше ты хлупый!» Потом окно лопается, стекло дождем сыплется на пол и черные языки опутывают нас с дедушкой. На этом месте я обычно просыпаюсь. Я обливаюсь потом, сердце пытается выскочить у меня из груди, а все внутренности скручиваются в тугой узел.

Хотя сон каждый раз повторялся и мы обсуждали его не меньше сотни раз, доктор Голан заставлял меня рассказывать его во время каждого сеанса. Он как

будто пытался устроить перекрестный допрос моему подсознанию, чтобы найти какой-то ключ к разгадке, который упустил во время всех предыдущих сеансов.

– И что говорит твой дедушка во сне?

– То же, что и всегда, – отвечаю я. – Насчет птицы, петли и могилы.

– Он повторяет свои последние слова?

– Вот именно.

Доктор Голан складывает вместе кончики пальцев и прижимает эту похожую на палатку фигуру к подбородку, являя собой картину «Задумчивый психоаналитик».

– У тебя нет новых идей относительно того, что могут означать эти слова?

– Ага, есть. Бред собачий.

– Брось. Ты же так не думаешь.

Я пытался сделать вид, что мне нет дела до последних произнесенных дедушкой слов, хотя в действительности это было не так. Они не давали мне покоя почти так же, как и ночные кошмары. Мне казалось, что я не имею права отмахнуться от них, как от галлюцинаторного бреда, а доктор Голан был убежден, что, только поняв их значение, я смогу избавиться от своих жутких снов. Поэтому я старался.

Кое-что из того, что произнес дедушка, звучало вполне осмысленно. Например, то, что я должен поехать на остров. Он боялся, что чудовища придут за мной, и считал остров единственным местом, где я могу от них спастись, как это когда-то сделал он. Еще перед смертью он проговорил: «Я давно должен был все тебе рассказать». Но он уже не успевал ничего мне рассказать, что бы это ни было. Возможно, поэтому он и оставил след, который мог вывести меня к человеку, способному все мне объяснить, к человеку, знавшему его тайну. Мне казалось, что именно в этом заключается смысл той загадочной фразы о петле, могиле и письме.

Сначала я думал, что «петля» – это одна из улиц в Круговой деревне, являвшейся не чем иным, как сплетением похожих на петли дорог. А «Эмерсон» – это человек, с которым дедушка переписывался. Возможно, это был фронтовой товарищ деда, продолжающий поддерживать с ним отношения. Что, если этот Эмерсон живет в Круговой деревне, в одной из «петель» возле кладбища, и одно из написанных им писем датировано третьим сентября тысяча девятьсот сорокового года, и это именно то письмо, которое я должен прочесть? Я знал, что это звучит безумно, но я уже убедился в том, что в жизни случаются и более безумные вещи. Естественно, не найдя ничего в Интернете, я отправился в культурный центр Круговой деревни, где старики играли в шафлборд[3 - Шафлборд – состязательная игра на размеченном корте с использованием киев и шайб.] и обсуждали свои болезни и операции. Я спросил у них, где находится кладбище и знает ли кто-нибудь мистера Эмерсона. Они смотрели так, будто у меня на плечах росло сразу две головы, не в силах поверить в то, что к ним обратился подросток. Впрочем, кладбища в Круговой деревне не было, как и жителя по фамилии Эмерсон. Не было и улиц, в названии которых фигурировало бы слово «петля». Короче, моя теория потерпела полное фиаско.

Но доктор Голан не оставлял меня в покое. Он предложил мне рассмотреть кандидатуру Ральфа Уолдо Эмерсона, якобы знаменитого в далеком прошлом поэта.

– Эмерсон написал множество писем, – сообщил он мне. – Может, твой дедушка говорил об одном из них?

Я подумал, что это как тыкать пальцем в небо, но Голан не отставал, и однажды днем я попросил папу завезти меня в местную библиотеку. Я быстро обнаружил, что Ральф Уолдо Эмерсон и в самом деле написал гору писем, большинство из которых были опубликованы. На целых три минуты мой пульс взволнованно участился, потому что мне показалось, что я близок к разгадке. Но потом мне стало ясно, что, во-первых, Ральф Уолдо Эмерсон жил и умер в девятнадцатом веке, а следовательно, не мог написать писем, датированных третьим сентября тысяча девятьсот сорокового года. А во-вторых, его творения были такими заумно-мистическими, что мой дедушка, который никогда не был книгоманом, просто не мог ими увлекаться. Я на себе испытал снотворные свойства творчества Эмерсона, уронив голову прямо на книгу, раскрытую на странице с эссе под названием «Уверенность в себе». И в шестой раз за эту неделю увидел сон про торговый автомат. Я проснулся с такими криками, что меня

бесцеремонно выставили из библиотеки. Я покинул ее без сожаления, проклиная про себя и доктора Голана, и его идиотские теории.

Очередным ударом стало решение моей семьи продать дом дедушки Портмана. Прежде чем позволить потенциальным покупателям осмотреть его, дом следовало вычистить и вымыть. По совету доктора Голана, считавшего, что мне следует побывать на месте, где я получил психологическую травму, мне было поручено помогать папе и тете Сьюзи разбирать вещи. Какое-то время папа то и дело отводил меня в сторонку, чтобы убедиться, что со мной все в порядке. Как ни странно, я был спокоен, несмотря на обрывки полицейской ленты на кустах, хлопающую на ветру разорванную дверь веранды и мусорный контейнер, арендованный родителями и ожидающий возможности поглотить то, что осталось от жизни моего дедушки. Мне было грустно, но не страшно.

Как только стало ясно, что я не собираюсь с пеной у рта кататься по полу, мы приступили к делу. Вооружившись мусорными пакетами, мы решительно шагали по дому, опустошая полки и шкафчики, заглядывая во все уголки, покрытые слежавшейся за долгие годы пылью. Мы возводили пирамиды из вещей, которые можно было оставить себе или как-то использовать, и кучи, предназначенные для мусорного контейнера. Тетушка и отец не страдали сентиментальностью, и «мусорные» пирамиды всякий раз оказывались выше тех, других. Я несколько раз безуспешно пытался отвоевать у контейнера кое-какие вещи, например сваленную в углу гаража восьмифутовую стопку подмоченных дождем журналов «Нэшнл Джеографик». Я столько вечеров провел над ними, воображая себя среди папуасов Новой Гвинеи или открывая для себя приютившийся на краю пропасти древний замок, расположенный в Королевстве Бутан. Мне не позволили оставить даже дедушкину коллекцию рубашек для боулинга («Что за позорище?!» – заявил отец), его пластинки («Мы найдем для них хорошего покупателя») и содержимое массивного и все еще запертого оружейного сейфа («Ты ведь шутишь, правда? Я очень надеюсь на то, что ты шутишь»).

Я сказал отцу, что у него нет сердца. Тетушка сбежала, оставив нас наедине в кабинете, где мы сортировали гору старой финансовой отчетности.

– Я трезво смотрю на вещи, Джейкоб. То, что мы сейчас делаем, происходит всегда, когда люди умирают.

– Да? Значит, после твоей смерти мне можно будет сжечь все твои рукописи?

Он покраснел. Мне не следовало этого говорить. Упоминание о его неоконченных книгах было ударом ниже пояса. Но вместо того чтобы заорать на меня, он тихо произнес:

– Я взял тебя сегодня с собой, потому что считал тебя достаточно зрелым. Думал, что тебе это будет по плечу. Похоже, я ошибался.

– Ты ошибаешься, когда думаешь, что, избавившись от дедушкиных вещей, ты заставишь меня его забыть. У тебя ничего не выйдет.

Он вскинул руки.

– Знаешь что? Мне надоело об этом спорить. Оставляй все, что хочешь. – Он швырнул мне под ноги пачку пожелтевших листов бумаги. – Вот подробный перечень отчислений за тот год, когда был убит Кеннеди. Помести его в рамочку и повесь на стену!

Я пнул эту кипу ногой и выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью. Я долго сидел в гостиной, ожидая, что он выйдет и извинится. Но когда услышал, что в кабинете зашумел шредер[4 - Шредер – устройство, используемое для измельчения бумаги.], понял, что этого не произойдет. Промчавшись через весь дом, я заперся в спальне. Меня окружил затхлый воздух, в котором стоял запах кожаной обуви и кисловатый аромат дедушкиного одеколона. Я прислонился к стене, глядя на вытоптанную на ковре дорожку, ведущую от двери к его кровати. Мутноватый солнечный луч выхватил из полумрака торчащий из-под покрывала край коробки. Я подошел к кровати, опустился на колени и извлек ее. Это была покрытая толстым слоем пыли старая коробка из-под сигар. Мне показалось, что дедушка специально положил ее так, чтобы я обязательно заметил.

Внутри были хорошо знакомые мне фотографии: невидимый мальчик, левитирующая девочка, силач с поднятым на вытянутой руке валуном, человек с нарисованным на затылке лицом. Снимки были хрупкими и шелушились. Они также казались намного меньше, чем я их запомнил. Глядя на них сейчас, много лет спустя, я поразился тому, какой откровенной подделкой было все это. Чтобы спрятать голову, «невидимому» мальчику достаточно было ловко извернуться. Огромный камень, удерживаемый на весу подозрительно тощим подростком, легко мог быть изготовлен из гипса или поролона. Но, конечно, эти соображения

не могли прийти в голову шестилетнему ребенку, особенно если он хотел верить в то, что все это правда.

Под знакомыми фотографиями я обнаружил еще пять снимков, которые дедушка Портман никогда мне не показывал. Сначала я удивился, но, присмотревшись поближе, понял, что такую явную фальшивку распознал бы даже ребенок. Одна фотография являлась смехотворно-примитивным образцом двойной экспозиции и изображала девочку, «заключенную» в бутылку. На другой я увидел «левитирующего» ребенка, тоже девочку, удерживаемую на весу чем-то, скрытым в темном дверном проеме у нее за спиной. На третьей лицо мальчика было грубо «наложено» на собачье тело. Но последние две фотографии по своей причудливости значительно превосходили все остальные и напоминали воплощение мрачных фантазий Дэвида Линча. На одной из них печально-угрюмая маленькая гимнастка изогнулась назад, просунув голову у себя между ногами, как будто позвоночника у нее не было вовсе; на другой красовалась парочка жуткого вида близнецов, одетых в самые странные костюмы из всех, что я когда-либо видел. Даже мой дедушка, забивавший голову внука рассказами о чудовищах с щупальцами вместо языков, понимал, что от вида таких снимков ребенка будут преследовать ночные кошмары.

Стоя на коленях на пыльном полу дедушкиной спальни с загадочными фотографиями в руках, я вспомнил тот день, когда понял, что в рассказах деда

нет ни крупицы правды. Тогда я почувствовал себя преданным. Сейчас мне стало совершенно ясно, что его последние слова были очередной хитростью, нацеленной на то, чтобы заразить меня кошмарами и параноидальными галлюцинациями, на борьбу с которыми уйдут годы психотерапии и лечения разрушительными для моего организма препаратами.

Я захлопнул коробку и принес ее в гостиную, где отец и тетя Сьюзи вытряхивали в огромный мусорный пакет полный ящик аккуратно вырезанных, но так и не использованных купонов.

Я протянул им коробку. Они не стали интересоваться ее содержимым.

* * *

– Так, значит, ты считаешь, что его смерть была бессмысленной? – спросил у меня доктор Голан.

Я лежал на кушетке, уставившись на расположенный в углу комнаты аквариум, в котором описывал медленные ленивые круги его единственный обитатель – золотая рыбка.

– А у вас есть идея получше? – поинтересовался я. – Какая-то сногсшибательная теория, о которой вы до сих пор мне ничего не сообщили? В противном случае…

– Что?

– В противном случае все это пустая трата времени.

Голан вздохнул и ущипнул себя за переносицу, как будто пытаясь унять головную боль.

– Я не имею права строить умозаключения относительно того, что могут означать последние слова твоего дедушки, – произнес он. – Имеет значение только то, что думаешь об этом ты.

– Мне надоел весь этот психотреп, – взвился я. – Какая разница, что я думаю? Имеет значение только то, что это означает на самом деле! Но я думаю, что мы этого никогда не узнаем. А значит, это не имеет вообще никакого значения. Накачайте меня таблетками, выпишите счет, и давайте с этим покончим.

Я хотел, чтобы он разозлился и начал спорить, настаивая на том, что я ошибаюсь. Вместо этого он сидел с непроницаемым лицом и барабанил ручкой по подлокотнику кресла.

– Похоже, ты сдался, – наконец произнес доктор. – Я разочарован. Мне казалось, ты из тех, кто борется до конца.

– Вы просто плохо меня знаете, – ответил я.

* * *

У меня не было ни малейшего желания устраивать вечеринку. Но я понял, что мне от нее не отвертеться, как только родители начали толсто намекать на то, какими скучными и унылыми обещают быть предстоящие выходные, в то время как все мы знали, что в субботу мне исполнится шестнадцать лет. Я умолял их обойтись в этом году без празднования, потому что, в числе прочих причин, я не знал ни одного человека, которого хотел бы пригласить. Но родителей беспокоило то, что я слишком много времени провожу в одиночестве. Они были уверены, что общение с людьми оказывает целительное воздействие на больную психику.

– Наравне с электрошоком, – напомнил я им.

Но мама не упускала ни одного, даже самого незначительного повода устроить вечеринку. Однажды она пригласила друзей на день рождения нашего попугайчика. Отчасти это объяснялось тем, что она очень гордилась нашим домом. С бокалом вина в руке она водила гостей из комнаты в комнату, пространно восхваляя гений архитектора и рассказывая страшилки о возведении этого шедевра («Мы несколько месяцев ждали, пока нам привезут из Италии эти канделябры»).

Мы только что вернулись домой после катастрофически безуспешного сеанса у доктора Голана. Я вслед за папой вошел в подозрительно темную гостиную, слушая, как он вполголоса бормочет:

– Как жаль, что мы не отмечаем твой день рождения… Хотя, кто мешает нам сделать это в следующем году?

И вдруг в комнате вспыхнул свет, открывая взору веселые спиральки серпантина, воздушные шары и разношерстное сборище тетушек, дядюшек, кузенов и кузин, с которыми я почти никогда не общался, – одним словом, всех, кого сумела заманить сюда моя мать. Я с удивлением отметил, что Рики тоже здесь. Он околачивался возле кувшина с пуншем и выглядел до смешного неуместно в своей кожаной куртке с заклепками. Когда толпа прекратила хлопать в ладоши и орать, а я перестал делать удивленное лицо, мама обняла меня за плечи и прошептала:

– Все нормально?

Я был измучен и расстроен. Все, чего мне хотелось, это поиграть на компьютере и, включив телик, забраться в постель. Но не могли же мы отправить всех гостей по домам.

– Все отлично, – кивнул я, а мама улыбнулась благодарной улыбкой.

– Кто хочет взглянуть на наше новое приобретение? – пропела она, прежде чем налить себе бокальчик шардоне и возглавить шествие родственников на второй этаж.

Мы с Рики обменялись кивками, безмолвно договорившись пару часиков потерпеть присутствие друг друга. С того дня, как он едва не столкнул меня с крыши, мы не разговаривали. Тем не менее мы оба понимали, как важно создать для присутствующих видимость нашей дружбы. Я уже хотел было с ним поговорить, как вдруг на меня налетел дядя Бобби, схватил меня за локоть и затолкал в угол. Он был крупным парнем, водил большую машину и жил в огромном доме. Вскоре ему предстояло покинуть этот мир в результате сердечного приступа, вызванного долгими годами неумеренного потребления фуа-гра и бургеров, и оставить бизнес моим тупоголовым кузенам и крошечной незаметной женушке. Они с моим дядей Лесом были сопрезидентами

корпорации «Смарт-Эйд» и обожали заталкивать собеседников в угол с таким видом, будто организовывали переворот, а не предлагали похвалить хозяйку за изумительный гуакамоле[5 - Гуакамоле – закуска из пюрированной мякоти авокадо, блюдо мексиканской кухни.].

– Я слышал, что ты уже почти преодолел эту… э-э… всю эту историю с дедушкой.

Историю с дедушкой. Никто не знал, как это называть.

– Острую стрессовую реакцию, – произнес я.

– Что?

– Так называется то, чем я страдал. Страдаю. Да Бог с ним.

– Вот и хорошо. Я ужасно рад. – Он помахал рукой, словно отметая все эти неприятности и оставляя их в прошлом. – Так вот, мы тут подумали с твоей мамой… Как ты смотришь на то, чтобы этим летом приехать в Тампу и посмотреть, как работает семейный бизнес? Вместе поломаем головы в нашей штаб-квартире, а? Или ты предпочитаешь раскладывать товар по полкам? – Тут он так громко расхохотался, что я невольно попятился. – Хотя ты мог бы вообще никуда не ходить. А по выходным мы бы ездили на рыбалку вместе с твоими кузенами.

Последующие пять минут он пространно описывал свою новую яхту, вдаваясь в мельчайшие до неприличия детали, как будто это могло заставить меня согласиться. Закончив, он ухмыльнулся и сунул мне руку, ожидая, что я ее пожму.

– Так что скажешь, Джей-дог?

Полагаю, он был уверен, что я не смогу отказаться от такого заманчивого предложения. А я скорее согласился бы провести лето в сибирском исправительно-трудовом лагере, чем в обществе дяди и его избалованных детишек. Что касается работы в штаб-квартире «Смарт-Эйд», я знал, что избежать этого мне, скорее всего, не удастся. Но я рассчитывал, что до того, как меня запрут в корпоративную клетку, в моем распоряжении будет еще не одно

свободное лето и четыре года колледжа. Я замялся, пытаясь придумать благовидный предлог для отступления.

– Я не уверен, что мой психиатр одобрит эту идею. Во всяком случае сейчас, – в итоге брякнул я.

Дядя Бобби озадаченно сдвинул кустистые брови и неопределенно кивнул.

– Ну что ж, конечно, дружище. Тогда будем действовать по обстановке. Договорились?

И он отошел от меня, не дожидаясь ответа, сделав вид, что увидел кого-то, в чей локоть ему срочно необходимо было вцепиться.

Вскоре мать объявила, что пора разворачивать подарки. Она всегда настаивала, чтобы я делал это при всех. В итоге процесс каждый раз превращался в большую проблему, потому что, как я уже упоминал ранее, врать я не умею. Это также означает, что я не умею изображать благодарность за передаренные диски с рождественской музыкой или подписку на «Охоту и рыбалку», которую регулярно вручал мне дядя Лес, ошибочно считавший меня любителем упомянутых занятий. Но я честно принялся распаковывать свертки, усиленно улыбаясь гостям и предоставляя им возможность полюбоваться очередным подарком. И вот от горы пакетов и коробок на столе почти ничего не осталось.

Я потянулся к самому маленькому из трех оставшихся свертков. Внутри оказались ключи от родительского четырехлетнего седана представительского класса. Мама объяснила, что они решили купить новую машину, а значит, старая переходит ко мне. Мой первый автомобиль! Все принялись ахать и охать, но я почувствовал, что заливаюсь краской. Мне казалось, что я хвастаюсь, принимая такой роскошный подарок в присутствии Рики. Родители как будто пытались заставить меня придавать значение деньгам, хотя на самом деле мне было на них наплевать. С другой стороны, легко говорить, что тебе наплевать на деньги, когда у тебя их много.

Следующим подарком оказался цифровой фотоаппарат, который я выпрашивал у родителей все прошлое лето.

– Вау! – произнес я, взвешивая подарок на ладони. – Обалдеть можно!

– Я замышляю новую книгу о птицах, – сообщил папа. – И подумал, может, ты сделаешь для нее фотографии?

– Новая книга! – воскликнула мама. – Феноменальная идея, Фрэнк. Кстати, о книгах. Что случилось с последней из них, над которой ты работал?

Мне стало ясно, что она перебрала вина.

– Я дорабатываю кое-какие детали, – тихо ответил отец.

– Ах, ну да, – фыркнул дядя Бобби.

– Итак! – громко заявил я, протягивая руку к последнему подарку. – Это от тети Сьюзи.

– Вообще-то, – произнесла тетя, когда я начал разворачивать сверток, – это от твоего дедушки.

Я замер. В комнате воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на тетю Сьюзи с таким выражением, будто она попыталась вызвать какого-то злого духа. Папа выпятил вперед нижнюю челюсть, а мама опрокинула в горло остатки вина из бокала.

– Разверни, и ты все поймешь, – добавила тетя.

Я сорвал остатки обертки и увидел старую книгу, безбожно зачитанную и давным-давно утратившую суперобложку. Это были «Избранные сочинения» Ральфа Уолдо Эмерсона. Я смотрел на книгу, словно пытаясь проникнуть взглядом сквозь обложку, и не понимал, как она очутилась в моих дрожащих руках. Никто, кроме Голана, не знал о дедушкиных последних словах, а доктор несколько раз обещал мне, что все, о чем мы беседуем в его кабинете, останется между нами, если только я не соберусь выпить бутылку «Драно»[6 - Популярные чистящие и моющие средства.] или исполнить сальто с моста Саншайн Скайвэй.

Я перевел взгляд на тетю, ожидая ответа на вопрос, который не в силах был задать вслух. Она слабо улыбнулась и пояснила:

– Я нашла это в столе твоего дедушки, когда мы приводили в порядок его дом. Он написал на первой странице твое имя. Я подумала, это означает, что книга предназначается тебе.

Благослови Господь тетю Сьюзи. Все-таки у нее есть сердце.

– Ничего себе! Я не знала, что твой дедушка увлекался чтением, – защебетала мама, пытаясь разрядить возникшее в комнате напряжение. – Какая ты умница, Сьюзан.

– Да, – сквозь стиснутые зубы подтвердил папа, – спасибо, Сьюзан.

Я открыл книгу. На титульной странице и в самом деле была надпись, сделанная дрожащей рукой моего деда.

Я встал, чтобы выйти, опасаясь, что сейчас расплачусь у всех на виду. Из книги что-то выскользнуло и упало на пол.

Я нагнулся, чтобы подобрать этот предмет. То было письмо.

Эмерсон. Письмо.

Кровь отхлынула от моего лица. Мама наклонилась ко мне и драматическим шепотом поинтересовалась, не подать ли мне стакан воды. На мамином языке это означало: Соберись. На тебя все смотрят.

– Мне немного не по себе… – пробормотал я и, прижав руку к животу, бросился бежать в свою комнату.

* * *

Письмо было написано от руки на гладкой нелинованной бумаге. Почерк был причудливым, изобилующим завитушками, почти каллиграфическим. Оттенок чернил то и дело менялся, как если бы писали старинной чернильной ручкой. Я начал читать.

В конверте лежала обещанная автором письма старая фотография. Я поднес ее к лампе, пытаясь рассмотреть хоть какие-то детали в черном силуэте женского лица, но ничего не увидел. Это был очень странный снимок, хотя он ничем не напоминал фотографии, которые показывал мне дедушка. Здесь не было подделки. Это была просто женщина. Женщина, курящая изогнутую трубку, очень напоминающую любимый аксессуар Шерлока Холмса. Я не мог отвести глаза от ее фотографии.

Возможно, это именно то, о чем говорил дедушка? – спрашивал я себя. И отвечал: – Да. Иначе и быть не может. Речь шла не о письмах самого Эмерсона, но о письме, вложенном между страниц этой книги. Но кто эта директриса? Эта женщина со странной фамилией Сапсан? Я осмотрел конверт в поисках обратного адреса, но нашел только выцветшую марку, на которой значилось Cairnholm Is., Cymru, UK.

UK означало Британию. Из атласов, которые я изучал в детстве, я знал, что Cymru – это Уэльс. Cairnholm Is. Должно быть, это остров, который упоминает в своем письме госпожа Сапсан. Неужели это тот самый остров, где в детстве жил мой дедушка?

Девять месяцев назад он велел мне «разыскать птицу». Девять лет назад он клялся, что детский дом, где он жил, оберегала «птица, которая курит трубку». В семилетнем возрасте я воспринял это заявление буквально, но директриса на снимке курила трубку, и ее фамилия была Сапсан. Сапсан – это одна из разновидностей сокола. Что, если птица, которую я должен был найти по дедушкиной просьбе, на самом деле является спасшей его женщиной – заведующей детским домом? Возможно, она все еще живет на этом острове. Разумеется, теперь она стара как мир, но ее, должно быть, содержат ее бывшие воспитанники, которые давно выросли, но остались при ней.

Впервые последние слова дедушки начали обретать некий смысл. Он хотел, чтобы я поехал на остров и нашел эту женщину. Если кто и был посвящен в тайну его детства, так это она. Но марка была приклеена на конверт пятнадцать лет назад. Может ли быть, что госпожа Сапсан до сих пор жива? Я произвел в уме быстрые подсчеты. Предположим, что в 1939 году, когда она уже заведовала детским домом, ей было лет двадцать пять. В этом случае сейчас ей далеко за девяносто. В принципе, это было вполне возможно. В Инглвуде были люди и постарше. Они не только жили совершенно самостоятельно, но и водили автомобиль. Впрочем, даже если мисс Сапсан и отошла в мир иной за те пятнадцать лет, что истекли с момента написания письма, на Кэрнхолме все еще могли оставаться люди, способные мне помочь. Люди, которые знали дедушку Портмана в детстве. Люди, которые знали его тайны.

Она написала мы. Те немногие, кто здесь еще остался.

* * *

Как вы, наверное, догадываетесь, уговорить моих родителей позволить мне провести часть каникул на крохотном островке у побережья Уэльса было нелегко. Они, и особенно мама, привели множество убедительных фактов, указывающих на бредовость этой затеи: стоимость поездки, тот факт, что я должен был провести лето с дядей Бобби, обучаясь премудростям управления фармацевтической империей, а также то, что сопровождать меня было некому, поскольку ни одного из моих родителей поездка не интересовала, а поехать сам я, конечно, не мог. У меня же не было ни одного веского довода для возражений. Я не мог обосновать свое желание предпринять столь дальнее путешествие, заявив: «Мне кажется, я должен это сделать», поскольку не хотел выглядеть в их глазах еще более сумасшедшим, чем они уже меня считали. Я не собирался передавать родителям ни последние слова дедушки Портмана, ни письмо, ни фотографию. Тем самым я лишь окончательно подписал бы себе приговор. Единственными разумными аргументами в пользу поездки были заявления вроде «Я хочу поглубже изучить семейную историю» и «Чад Крамер и Джош Белл этим летом едут в Европу. Почему мне нельзя?» Но, увы, это звучало совершенно неубедительно. Я произносил эти фразы как можно чаще, при этом стараясь все

же не злоупотреблять ими, чтобы не вызвать подозрений. А однажды даже прибег к чему-то вроде шантажа. «Если бы у вас не было денег, я бы не настаивал, а так…» Впрочем, я немедленно пожалел об этой тактике. Как бы то ни было, все это не работало.

А потом произошло несколько событий, которые резко повысили мои шансы на успех. Во-первых, дядя Бобби вдруг охладел к идее моей летней стажировки с проживанием у него дома. Ну кто же захочет жить под одной крышей с психом? Поэтому у меня внезапно появилось много свободного времени. Потом папа узнал, что остров Кэрнхолм является сверхважным ареалом обитания множества видов птиц, в том числе половины мировой популяции какой-то там птицы, приведшей его в орнитологический экстаз. Папа начал без конца говорить о своей гипотетической новой книге. Всякий раз, когда он затрагивал эту тему, я делал вид, что мне ужасно интересно, и лез из кожи вон, чтобы его подбодрить. Но самым весомым фактором стало поведение доктора Голана. Мне и уговаривать его почти не пришлось. Он удивил нас всех не только тем, что немедленно поддержал мою идею, но и тем, что повлиял на моих родителей, убедив их отпустить меня в Уэльс.

– Это может быть для него важно, – сказал он моей матери после одного из сеансов. – Речь идет о месте, которое его дед окружил всевозможными мифами. Посещение острова будет способствовать развенчиванию этих мифов. Он увидит, что это вовсе не волшебный, а совершенно обычный остров, каких много. В итоге все остальные фантазии тоже утратят силу. Чтобы победить мистификации, необходимо противопоставить им реальность.

– Но я думала, что он уже не верит во все эти сказки, – растерялась мама. – Ты ведь не веришь в них, Джейк?

– Конечно, не верю, – заверил ее я.

– Он не верит в них на сознательном уровне, – покачал головой доктор Голан. – Но в настоящий момент мы имеем проблему с его подсознанием. Именно там коренятся его сны и страхи.

– И вы в самом деле считаете, что поездка на этот остров может ему помочь? – спросила мама, прищурив глаза, как будто готовясь услышать ничем не прикрытую правду и принять окончательное решение, отпускать меня или нет.

Слово доктора Голана было законом.

– Да, я так считаю, – кивнул он.

Этого оказалось достаточно.

* * *

Дальше все сложилось с ошеломляющей скоростью. Были куплены билеты на самолет и четко выстроены планы. Нам с папой предстояло отправиться туда в июне и провести там целых три недели. Мне казалось, что это слишком долго, но отец заявил, что это время необходимо ему для того, чтобы тщательно изучить птичьи колонии острова. Я думал, мама будет возражать – целых три недели! Но по мере приближения даты отъезда она приходила в состояние все более возбужденное. Было видно, что она очень за нас рада.

– Мои мужчины, – сияя, говорила мама, – отправляются навстречу неизведанному.

Ее энтузиазм казался мне очень трогательным, пока я случайно не подслушал мамин разговор по телефону с кем-то из подруг. Не скрывая своего облегчения, она делилась большой радостью.

– Представляешь, – говорила она, – я целых три недели буду жить своей собственной жизнью! С моих плеч свалится забота о двух малолетних и совершенно беспомощных детях!

Я тоже тебя люблю, – хотелось заявить мне, вложив в эти слова как можно больше ядовитого сарказма. Но она меня не заметила, и я промолчал. Я ее, конечно же, любил, но в основном потому, что любовь к матери считается обязательной, а не потому, что она мне очень понравилась бы, встреть я ее на улице. Впрочем, встретить ее на улице я и не смог бы. Только бедняки ходят по улицам пешком.

Окончание занятий в школе и начало путешествия разделяли три недели. Я попытался использовать это время, чтобы убедиться в том, что госпожа Алма ЛеФэй Сапсан все еще пребывает среди живых. Поиски в Интернете оказались

бесплодными. Я решил допустить, что она еще жива, и раздобыть ее номер телефона. Это позволило бы мне хотя бы предупредить ее о своем прибытии. Однако я очень быстро выяснил, что у жителей Кэрнхолма вообще нет телефонов. На всем острове существовал только один номер. Его я и набрал.

Соединение заняло почти минуту. На линии шипело, щелкало, стихало и снова шипело, что позволило мне прочувствовать то огромное расстояние, которое отделяло меня от моего неизвестного абонента. Наконец я услышал характерные европейские гудки – ваап-ваап… ваап-ваап… после чего в трубке раздался голос человека, который, судя по всему, находился в состоянии глубокого опьянения.

– Гнойник мошенников! – заорал он.

Из трубки доносился невообразимый шум – глухой рев, какой бывает только в разгар буйной вечеринки. Я попытался представиться, но он меня, кажется, не услышал.

– Гнойник мошенников! – снова заорал он. – Кто это? – Прежде чем я успел что-либо ответить, он завопил куда-то в сторону: – Я сказал, заткнитесь, вы, пьяные ублюдки, я говорю по…

На этом связь оборвалась. Я долго сидел, растерянно прижимая трубку к уху, а потом положил ее на рычаг. Перезванивать я не стал. Если единственный телефон Кэрнхолма был подключен к обители зла под названием «Гнойник мошенников», то чего еще можно было ожидать от этого острова? Неужели свое первое путешествие в Европу я потрачу на попытки избежать встречи с пьяными маньяками и наблюдение за птицами, гадящими на скалы каменистых пляжей? Возможно, – отвечал себе я. Но я был готов на все, лишь бы разгадать тайну, окутывающую жизнь и смерть моего дедушки. Ну а после можно продолжить свое неприметное существование.

Глава третья

Нас окружала непроницаемая стена тумана. Когда капитан объявил, что мы почти на месте, я подумал, что он шутит. С покачивающейся палубы парома я не видел ничего, кроме бесконечной серой завесы. Я стискивал поручень, вглядываясь в зеленоватые волны, и размышлял о том, что еще немного – и мой завтрак достанется рыбам. Рядом со мной в рубашке с короткими рукавами дрожал отец. Впервые в жизни я наблюдал такой холодный и сырой июнь. Я отчаянно надеялся на то, что тридцать шесть мучительных часов, которые ушли на то, чтобы забраться в такую даль, себя окупят. Наш перелет включал три лайнера, две пересадки и бесконечное ожидание вылета. Потом мы по очереди дремали на скамейках неопрятных вокзалов и в конце концов очутились на этом выворачивающем все внутренности пароме.

– Смотри! – вдруг закричал отец.

Подняв голову, я увидел, как из пелены тумана, угрожающе нависая над нами, возникла громадная скала.

Это и был остров моего дедушки. Зловещий и унылый, окутанный лохмотьями тумана, охраняемый миллионами галдящих птиц, он походил на античную крепость, сооруженную неведомыми гигантами. При виде обрывистых утесов, вершины которых исчезали в призрачных облаках, мысль о том, что этот остров волшебный, уже не казалась мне нелепой.

Тошнота тоже как будто отступила. Папа бегал по палубе, как ребенок вокруг рождественской елки, пожирая взглядом кружащих над нами птиц.

– Джейкоб, ты только посмотри на это! – кричал он, тыча пальцем в рой каких-то крапинок. – Да это же буревестник обыкновенный!

Паром приблизился к утесам, и под самой поверхностью воды стали различимы какие-то странные очертания. Кто-то из членов экипажа заметил, как я свесился через поручень, вглядываясь в волны, и остановился рядом.

– Впервые видишь обломки кораблекрушения?

– Вы серьезно? – обернулся я к нему.

– Это кладбище кораблей. В старину капитаны так и говорили: «Мыс Хартленд-Твикст и залив Кэрнхолм – могила моряков, разрази нас гром!»

В этот момент мы проплывали мимо корабля, который находился так близко к поверхности воды, что я явственно различил очертания его позеленевшего корпуса, и мне показалось, что он, подобно зомби, вот-вот всплывет из своей неглубокой могилы.

– Видишь это судно? – спросил моряк, указывая на воду. – Его затопила подводная лодка.

– В здешних водах были подводные лодки?

– Полно. Ирландское море кишело немецкими субмаринами. Если бы можно было поднять все затопленные ими корабли, мы получили бы целый военный флот.

Он театрально приподнял одну бровь и, расхохотавшись, зашагал прочь.

Я помчался вдоль борта на корму, неотрывно глядя на исчезающий в нашем кильватере затонувший корабль. Я успел подумать, что для того, чтобы попасть на остров, нам понадобится альпинистское снаряжение, но тут мы обогнули мыс и вошли в изогнутую полумесяцем гавань. Вдали виднелась небольшая бухта, пестревшая разноцветными рыбацкими лодками, а дальше, в зеленой чаше долины, разлегся городок. Лоскутное одеяло полей, усеянных движущимися точками овец, укрывало холмы, поднимающиеся к высокому горному кряжу, который, подобно ватному парапету, обрамляла стена облаков. Эта драматичная красота не походила ни на что из виденного мной ранее. Паром медленно приближался к берегу, а я ощущал, что мной завладевает дух первооткрывателя, как если бы я увидел землю там, где на картах значилась лишь безбрежная синева.

Паром пришвартовался, и мы потащились со своими сумками в городок. Присмотревшись повнимательнее, я решил, что вблизи он далеко не так привлекателен, как издали. Вдоль мощенных грязноватым гравием дорог выстроились ряды домиков, которые можно было бы назвать необычными и даже хорошенькими, если бы не спутниковые тарелки, неизменно венчающие их крыши. Из-за удаленности и экономической незначительности Кэрнхолма тянуть сюда линии электропередач не стали, в результате чего на каждом шагу

подобно сердитым осам жужжали дурно пахнущие дизельные генераторы, шум которых сливался с рычанием тракторов. Последние, видимо, являлись единственным транспортным средством острова. На окраине города стояли древнего вида заброшенные дома без крыш, свидетельствуя о том, что население тает. Как и везде, дети отказывались продолжать вековые традиции предков, занимавшихся фермерством и рыбной ловлей; они покидали родные места в надежде на то, что в больших городах их ожидают большие возможности.

Мы тащились с вещами по городу в поисках чего-то под необычным названием «Родник Священников», где папа забронировал для нас комнату. Я представлял себе старую церковь, переоборудованную под гостиницу. Ничего особенного, просто место, где мы сможем спать и отдыхать в перерывах между наблюдением за птицами и расследованием дедушкиных тайн. Мы то и дело обращались за помощью к местным жителям, которые лишь растерянно смотрели на нас и спешили прочь.

– Они говорят по-английски или как? – вслух поинтересовался папа.

Моя рука уже начала болеть от нереального веса чемодана, но тут мы увидели церковь. И подумали было, что нашли свое пристанище, но, войдя внутрь, убедились, что церковь действительно переоборудовали, но не в гостиницу, а в маленький, неопрятного вида музей.

Мы нашли его хранителя в небольшой комнате, увешанной рыбацкими сетями и ножницами для стрижки овец. Увидев нас, он просиял, но тут же помрачнел, поняв, что мы всего лишь заблудились.

– Я так думаю, вам нужен «Тайник Священников», – вздохнул он. – Больше на нашем острове снимать комнаты негде.

Хранитель музея начал объяснять нам дорогу, а я вслушивался в его певучее произношение, показавшееся мне необыкновенно забавным. Речь валлийцев пришлась мне по душе, несмотря на то, что половина из того, что они говорили, оставалась для меня загадкой. Папа поблагодарил хранителя и повернулся, чтобы уйти. Но мне так понравился этот добродушный человек, что я решил задать ему еще один вопрос.

– Где находится старый детский дом?

– Старый что? – прищурившись, переспросил хранитель.

Мелькнула ужасная мысль, что мы прибыли не на тот остров или, хуже того, детский дом – это лишь очередная выдумка моего дедушки.

– Это был детский дом для детей-беженцев, – уточнил я. – Во время войны. Такое большое здание.

Мужчина пожевал нижнюю губу, с сомнением глядя на меня. Казалось, он решал, помочь мне или умыть руки и не связываться. В конце концов он сжалился надо мной и произнес:

– Не знаю я никаких беженцев, но думаю, что мне известно место, о котором вы говорите. Это далеко, на другой стороне острова, за болотом и лесом. Хотя на вашем месте я не ходил бы туда один. Шаг в сторону от тропинки, и больше о вас никто ничего не услышит. Помешать вам сорваться в пропасть могут только мокрая трава да овечьи шарики.

– Спасибо, что предупредили! – воскликнул папа, пристально глядя на меня. – Пообещай мне, что не пойдешь туда сам.

– Ну, хорошо, хорошо.

– А чем он вас заинтересовал? – спросил хранитель. – Я не слышал, чтобы он находился в путеводителе для туристов.

– Небольшое генеалогическое исследование, – быстро ответил папа, приостановившись возле двери. – Мой отец провел там несколько лет, когда был ребенком.

Я видел, что он любой ценой хочет избежать упоминания о психиатрах и мертвых дедушках. Он еще раз поблагодарил мужчину и вытолкал меня за дверь.

Следуя указаниям хранителя музея, мы двинулись обратно, туда, откуда пришли, пока не дотопали до мрачного вида статуи, высеченной из черного камня. Это был мемориал под названием Ждущая Женщина, посвященный ушедшим в море и не вернувшимся домой жителям острова. С горестным выражением лица она простирала руки к раскинувшейся вдали бухте, но прежде всего к расположенному через дорогу «Тайнику Священников». Я не знаток по части гостиниц. Но одного взгляда на выцветшую вывеску мне хватило, чтобы понять – это не четырехзвездочный отель. В верхней части вывески гигантские буквы гласили: ВИНО, ПИВО, ВИСКИ. Ниже виднелась надпись поскромнее: Вкусная еда. В самом низу от руки, выражая чью-то запоздалую мысль, было приписано: Комнаты для ночлега. Хотя буква «ы» вытерлась и стала напоминать «а». В итоге слово «Комнаты» обрело единственное число – «Комната». Пока мы тащили сумки к двери, отец беспрестанно клял мошенников и лживую рекламу. Я оглянулся на Ждущую Женщину, и мне показалось, что она ждет, когда кто-нибудь угостит ее кружкой эля. Протиснувшись вместе со своим багажом в узкий дверной проем, мы замерли, моргая в неожиданной полутьме паба. Когда мои глаза привыкли к мраку, я понял, что название «тайник» очень удачно описывает это помещение. Крошечные окошки в свинцовых рамах едва пропускали свет. Впрочем, освещения хватало, чтобы найти кран с пивом, не натыкаясь по дороге на столы и не переворачивая стулья. Столы были такими старыми и расшатанными, что казалось разумнее использовать их в качестве дров для камина. Несмотря на то что все еще было утро, заведение наполовину заполняли мужчины на разных стадиях опьянения. Они сидели за столами, молитвенно склонив головы и удрученно уставившись на бокалы с жидкостью янтарного цвета.

– Вы, должно быть, насчет комнаты, – произнес человек за барной стойкой, подходя к двери, чтобы пожать нам руки. – Я Кев, а это ребята. Ребята, поздоровайтесь.

– Привет, – произнесли ребята, кивая своим бокалам.

По узкой лестнице мы поднялись вслед за Кевом в наши комнаты (во множественном числе!), обстановку которых можно было бы с натяжкой описать как базовую. Тут имелись две спальни (на более просторную тут же предъявил права отец) и комната, исполняющая тройную функцию – кухни, столовой и гостиной. Меблировка последней исчерпывалась столом, побитым молью диваном и газовой плиткой. Ванная комната, как заявил Кев, «по большей части работает. Но если она начнет выделываться, можно воспользоваться старым

проверенным заведением». Он привлек наше внимание к расположенному позади здания биотуалету, прямо на который выходило окно моей комнаты.

– Ах да, вам понадобится еще вот это. – Он извлек из шкафа две керосиновые лампы. – В десять часов генераторы вырубаются, потому что завозить сюда бензин чертовски дорого. Поэтому вы либо ложитесь спать пораньше, либо привыкаете к свечам и керосину. – Он ухмыльнулся. – Добро пожаловать в Средневековье!

Мы заверили Кева, что туалет во дворе и керосин нас вполне устраивают. Более того, нам не терпится все это испытать. Да это же настоящее приключение, сэр! После этого он повел нас вниз, чтобы покончить с осмотром нашего нового обиталища.

– Подкрепляться можете здесь, – пояснил он, обводя рукой зал. – Думаю, что так вы и поступите, поскольку делать это больше просто негде. Если захотите позвонить, у нас есть телефон. Вон там, в углу. Правда, иногда к нему выстраивается очередь. Дело в том, что мобильный прием у нас «гуляет», а перед вами единственный стационарный телефон на весь остров. Да, да, это все у нас – еда, ночлег и телефон. Единственное место на острове, где все это есть!

Он запрокинул голову и расхохотался.

Единственный телефон на острове. Я удивленно разглядывал это уникальное сооружение – нечто вроде будки с дверью. Такие можно было увидеть только в старых фильмах. Со всевозрастающим ужасом я осознал, что это и есть то место, где бушевала разнузданная вечеринка вроде древнегреческих оргий, когда я несколько недель назад попытался дозвониться на остров. Мы находились в Гнойнике мошенников!

Кев вручил отцу ключи от наших комнат.

– Будут вопросы, вы знаете, где меня найти, – добавил он.

– У меня уже есть вопрос, – остановил его я. – Что такое «Тайник Священников»?

Мужчины у барной стойки разразились смехом.

– Ну, конечно же, это тайник для священников! – заявил один из них, что заставило остальных расхохотаться еще сильнее.

Кев подошел к камину и указал на неровные доски у себя под ногами, где сейчас спал облезлый пес.

– Он находится здесь, – Кев постучал ногой по чему-то, напоминающему люк. – В незапамятные времена, когда человека могли повесить только за то, что он был католиком, сюда приходили в поисках убежища священнослужители. Если вслед за ними являлись ищейки королевы Елизаветы, мы прятали тех, кто в этом нуждался, вот в таких укромных местах, называвшихся тайниками священников.

Меня поразило то, как он произнес слово «мы». Как будто он лично знал этих давно умерших жителей острова.

– Укромных, это уж точно, – подтвердил один из пьяниц. – Но им там, внизу, было жарковато и ужасно тесно!

– Лучше уж тесно и жарко, чем в петле и на свежем воздухе, – возразил другой.

– Эт точно! – кивнул первый. – Так выпьем же за Кэрнхолм, нашу неприступную и надежную крепость!

– За Кэрнхолм! – подхватили остальные, одновременно поднимая бокалы.

* * *

Мы так устали от долгого перелета, что рано легли спать. Точнее, легли в кровати и лежали, накрыв головы подушками в попытке заглушить доносящуюся снизу какофонию. Шум свободно проникал сквозь перекрытия и доски пола, а в какой-то момент стал таким громким, что я решил – гуляки вторглись в мою комнату. А потом часы, видимо, пробили десять, потому что все генераторы зачихали и стихли, как и музыка в пабе. Погас и фонарь за моим окном. Внезапно меня окутала безмолвная и благословенная тишина, и только шепот далеких волн напоминал о том, где я нахожусь.

Впервые за долгие месяцы я провалился в глубокий сон без кошмаров. Вместо чудовищ мне приснился дедушка, его первая ночь на этом острове, где он чувствовал себя чужим на чужой земле, под чужой крышей, и был обязан жизнью людям, которые говорили на чужом языке. Когда я проснулся, комнату заливал яркий солнечный свет и я осознал, что госпожа Сапсан спасла не только дедушкину жизнь, но и жизнь моего отца, и мою тоже. Сегодня, если мне повезет, я наконец-то смогу ее поблагодарить.

Я спустился вниз, где нашел папу, который потягивал кофе и полировал стекла своего дорогого бинокля. Не успел я присесть рядом с ним, как появился Кев с двумя тарелками мяса и поджаренными тостами.

– Я не знал, что тосты можно жарить на сковородке, – заметил я, а Кев ответил, что нет пищи, вкус которой нельзя было бы улучшить, поджарив ее на сковороде.

За завтраком мы с папой обсудили план дня. Нам предстояло стать своего рода разведчиками и ознакомиться с островом. Мне не терпелось поскорее приступить к розыскам, и я практически не жуя проглотил свой завтрак.

Хорошенько подкрепившись жирной пищей, мы вышли из паба и зашагали по городу, уворачиваясь от тракторов и перекрикивая рев генераторов. В какой-то момент улицы окончились, по обе стороны от дороги потянулись поля, а шум остался позади. День был прохладный и ветреный. Солнце то пряталось за тучи, то прорывалось сквозь них, заливая холмы изумительно ярким светом. Я испытывал прилив энергии и был исполнен надежд. Мы направлялись к тому каменистому пляжу, где отец еще с парома заметил большую стаю птиц. Я не был уверен, что нам удастся на него попасть. Остров имел форму огромной миски. Холмы расходились от середины к краям, обрываясь к морю крутыми скалами и утесами. Но нам повезло: именно в этом месте холмы закруглялись, а к небольшому песчаному пляжу вела тропинка.

Мы спустились к кромке воды, где визжала, хлопала крыльями и ловила рыбу в оставшихся после отлива лужах целая птичья цивилизация. Я увидел, как глаза отца восхищенно распахнулись.

– Потрясающе, – пробормотал он. – Мне необходимо здесь немного побыть. Как ты на это смотришь?

Мне уже приходилось видеть такое выражение на его лице, и я совершенно точно знал, что «немного» означает в данном случае не один час.

– Тогда я сам пойду искать детский дом, – пожал плечами я.

– Один ты не пойдешь. Ты обещал.

– Тогда я найду кого-нибудь, кто сможет меня проводить.

– Кого?

– Я думаю, Кев мне кого-нибудь порекомендует.

Папа устремил взгляд в море, где из кучи камней торчал огромный ржавый остов маяка.

– Ты знаешь, что сказала бы твоя мама, если бы она была здесь? – спросил он.

Мои родители придерживались различных взглядов на мое воспитание. Мама стремилась меня контролировать и всячески опекать. Папа давал мне больше свободы. Он считал, что я должен время от времени совершать свои собственные ошибки. К тому же, отпустив меня, он получал в свое распоряжение целый день.

– Ну хорошо, – немного погодя вздохнул он. – Только обязательно оставь мне номер того, кто с тобой пойдет.

– Папа, здесь ни у кого нет телефонов.

Он снова вздохнул.

– Ладно уж. Смотри, чтобы человек был надежный.

* * *

Кев куда-то ушел по делам, а обращаться к его пьяным клиентам-бездельникам с просьбой исполнить роль моего компаньона мне не хотелось. Поэтому я вошел в ближайший магазин, чтобы посоветоваться с кем-то, кто хотя бы чем-то занимается. РЫБА – значилось на двери. Я толкнул эту дверь и оказался в обществе бородатого гиганта в пропитанном кровью фартуке. Он на мгновение прекратил обезглавливать рыбу и уставился на меня. В руке он держал огромный нож, с которого капала кровь. При виде его я поклялся себе больше никогда не брезговать пьяными.

– Какого черта тебе там понадобилось? – прорычал он, когда я объяснил ему, куда мне надо. – Там нет ничего, кроме болот и свихнувшейся погоды.

Я объяснил в двух словах насчет дедушки и детского дома. Он нахмурился, а затем, опершись на стол, с сомнением посмотрел на мою обувь.

– Думаю, Дилан не особенно занят и сможет тебя проводить, – буркнул он, ткнув ножом в сторону паренька приблизительно моих лет, укладывавшего рыбу в ящик со льдом. – Но тебе понадобится другая обувка. Негоже отпускать тебя туда в этих тапочках. Так и останутся в грязи.

– Правда? – удивился я. – Вы так думаете?

– Дилан, а ну-ка принеси этому мужичку резиновые сапоги!

Парень с тяжелым вздохом демонстративно медленно закрыл ящик со льдом, вытер руки и поплелся к полкам, набитым всякой всячиной.

– У нас как раз имеются отличные сапоги, – продолжал хозяин лавки. – Купите один, получите второй… не бесплатно!

Он расхохотался и рубанул ножом по лососю с такой силой, что голова его отлетела в сторону, проскользила по залитому кровью столу и угодила в подставленное ведро.

Решив, что небольшое вымогательство – это весьма скромная цена за возможность найти женщину, ради встречи с которой я пересек Атлантику, я выудил из кармана деньги. К счастью, папа настоял на том, что у меня должна

быть при себе некоторая сумма.

Я вышел из магазина, обутый в резиновые сапоги, такие огромные, что мои ноги утонули в них прямо в кроссовках, и такие тяжелые, что я с трудом поспевал за своим угрюмым провожатым.

– Ты ходишь в школу на острове? – окликнул я Дилана, пытаясь его догнать.

Мне действительно было любопытно, как живут на этом острове мои ровесники.

Он пробормотал название какого-то городка на большой земле.

– Но это же час на пароме в каждую сторону!

– Угу.

Вот и все. На все остальные попытки завязать разговор он отвечал еще более односложно. То есть попросту молчал. В конце концов я смирился и тоже умолк. Выходя из города, мы встретили одного из приятелей Дилана. Это был парень постарше в ослепительно-желтом тренировочном костюме и желтых цепях под золото. Трудно было представить себе более неуместное для Кэрнхолма зрелище. Даже если бы он вырядился в костюм астронавта, ему не удалось бы выглядеть более нелепо. Он поздоровался с приятелем, потыкав кулаком в его кулак, после чего представился Червем.

– Тебя зовут Червь? – изумился я.

– Это его сценическое имя, – пояснил Дилан.

– Мы самый извращенный рэп-дуэт в Уэльсе, – добавил Червь. – Я Червь, а это Белуга Дилан, также известный под именем Грязный Бизнес, лучший битбоксер[7 - Битбоксинг – искусство создания и имитации ритмических рисунков (битов) и мелодий при помощи голосового аппарата и артикуляций органами рта.] Кэрнхолма. Что скажешь, Грязный Дилан, покажем этому янки класс?

– Сейчас? – с недовольным видом протянул Дилан.

– А ну-ка подбрось мне несколько фоновых битов, сынок!

Дилан закатил глаза, но сделал то, о чем его попросили. Вначале мне показалось, что он давится собственным языком, но потом я уловил в его кашле ритм – пух-пух-ЧАХ, пух-пуххх, пух-ЧАХ, – под который Червь и начал начитывать рэп.

– Мне нравится висеть в «Тайнике Священников» / Твой батя всегда там, он свой среди мошенников / Мои стихи клевые и совсем не пустые / Биты Дилана крутые, а вовсе не пустые.

Дилан замолчал.

– В этом нет никакого смысла, – заявил он. – И это твой отец свой среди мошенников.

– О черт, Грязный Дилан, тогда показывай, что умеешь ты! – Червь начал пыхтеть и кашлять, одновременно вполне сносно изображая робота. Его кроссовки как будто ввинчивались в усыпанную щебнем дорогу. – Принимай микрофон, Белуга!

Дилан, похоже, смутился, но все же начал читать:

– Я встретил птичку по имени Ида / Она в восторге от моего прикида / Я задал ей жару, как доктор в Йоркшире / Я придумал эту рифму, пока сидел в сортире.

– В сортире? – покачал головой Червь.

– Я не успел подготовиться!

Они обернулись ко мне и поинтересовались, что я об этом думаю. С учетом того, что даже им самим не нравился рэп друг друга, я не знал, что сказать, и замялся.

– Мне больше прет музыка, где поют, играют на гитарах, и все такое.

Червь небрежно махнул рукой.

– Этот не поймет, что имеет дело с шедевром, даже если шедевр укусит его за задницу, – презрительно пробормотал он.

Дилан засмеялся, и они обменялись сложной системой рукопожатий, похлопываний ладонью о ладонь и постукиваний кулаком о кулак.

– Может, пойдем дальше? – предложил я.

Они недовольно побурчали, еще немного потянули время, но вскоре поплелись дальше. Червь присоединился к нам.

Я замыкал шествие, пытаясь придумать, что я скажу госпоже Сапсан, когда увижу ее. Я ожидал, что меня представят настоящей валлийской леди. Мы будем попивать чай в гостиной и вежливо беседовать о всяких мелочах. А потом я выберу подходящий момент и сообщу ей трагическую новость. Я внук Абрахама Портмана, – скажу я. – Я должен с прискорбием сообщить вам, что его с нами больше нет. Она начнет промокать платочком слезы, а потом я засыплю ее вопросами.

Вслед за Грязным Диланом и Червем я шел по тропинке, которая извивалась среди пастбищ с меланхоличными овечками. Впереди нас ожидал изнурительный подъем на кряж. Там, наверху, покачивалась стена такого плотного тумана, что, шагнув в него, мы словно очутились в ином мире. Туман показался мне явлением библейского порядка. И было нетрудно представить себе, как разгневанный Господь насылает на египтян подобное бедствие. Когда мы начали спускаться по противоположному склону, туман стал еще гуще. Солнце превратилось в мутное белесое пятно. Моя одежда мгновенно отсырела. Похолодало. На мгновение я потерял из виду Червя и Дилана, но тут тропинка выскочила на равнину и я наткнулся на остановившихся впереди приятелей.

– Эй, янки! – окликнул меня Дилан. – Сюда!

Я послушно пошел за ними. Тропка осталась позади. Теперь мы шли по заболоченному, поросшему густой травой полю. Овцы смотрели на нас темными слезящимися глазами. У них была мокрая шерсть и обвисшие хвосты. Вдруг из тумана возник маленький домик с заколоченными окнами.

– Вы уверены, что это то, что я ищу? – удивился я. – Тут, похоже, пусто.

– Пусто? Ничего подобного. Там полно всякого дерьма, – ответил Червь.

– Сходи, убедись сам, – предложил Дилан.

Я заподозрил какую-то ловушку, но все же подошел к двери и постучал. Она была незаперта и от моего прикосновения приотворилась. Внутри было так темно, что я ничего не мог разглядеть. Я сделал шаг вперед и, к своему удивлению, вниз, наткнувшись на то, что показалось мне земляным полом, но на самом деле было целым океаном экскрементов, в котором я увяз по самую щиколотку. Эта необитаемая хижина, совершенно безобидная с виду, оказалась хлевом для овец.

– О Господи! – содрогаясь от отвращения, взвизгнул я.

Снаружи донесся заливистый хохот. Я попятился, спеша вывалиться наружу прежде, чем потеряю сознание от окружившего меня смрада. Мои провожатые корчились от смеха, держась за животы.

– Вы полные засранцы, – сообщил я им, отскребая с необъятных сапог навоз.

– Почему? – удивился Червь. – Мы предупреждали тебя, что там полно дерьма.

Я вплотную подступил к Дилану.

– Вы покажете мне дом или нет?

– Он это серьезно, – выдавил Червь, утирая слезы.

– Конечно, я серьезно!

Улыбка сползла с лица Дилана.

– Я думал, ты прикалываешься, приятель.

– Думал что?

– Ну, типа, шутишь.

– Я не шучу.

Мальчишки озадаченно переглянулись. Дилан что-то прошептал на ухо Червю. Тот также шепотом что-то ему ответил. Наконец Дилан повернулся и указал на уводящую вдаль неровную тропинку.

– Если он тебе так нужен, иди прямо, мимо трясины, а потом через лес. Это огромный старый дом. Его невозможно не заметить.

– Какого черта! Вы обещали довести меня до конца.

– Мы дальше не пойдем, – опустив глаза, сообщил Червь.

– Почему?

– Не пойдем, и все.

Они развернулись и поплелись обратно, туда, откуда мы пришли. Вскоре их поглотил туман.

Я взвесил свои возможности. Я мог, поджав хвост, вслед за этими предателями вернуться в город. Я также мог продолжить путь в одиночестве, но не признаться в этом отцу.

Четыре секунды напряженных размышлений привели к тому, что я двинулся дальше.

* * *

По обе стороны от тропинки сколько видел глаз расстилалось мертвенно-бледное болото, поросшее рыжей травой и покрытое клочками тумана. Это был совершенно однообразный пейзаж, однако кое-где торчали невысокие,

сложенные из камней пирамидки. Но вскоре болото неожиданно закончилось, уперевшись в лес, – скелетоподобные деревья вскидывали вверх тощие ветки. На какое-то время тропинка исчезла под поваленными деревьями и ковром из плюща, и двигаться дальше мне пришлось почти наугад. Я не мог понять, как такой пожилой даме, как госпожа Сапсан, удается преодолевать эту полосу препятствий. Должно быть, ей все доставляют на дом, – подумал я, хотя, судя по всему, нога человека не ступала на эту тропинку несколько месяцев, если не лет.

Я перебрался через гигантское, скользкое ото мха дерево и увидел, что тропинка резко повернула. Потом деревья расступились, как занавес, и прямо передо мной возник заросший высокой травой и окутанный туманом холм. На его вершине стоял дом. Теперь я понял, почему мальчишки отказались меня сюда вести.

Дедушка описывал его сотни раз. Но в его рассказах он всегда был солнечным и радостным. И я представлял себе этот огромный ветхий особняк искрящимся от смеха и света. Однако то, что сейчас нависало надо мной, не могло быть убежищем от чудовищ. Этот дом сам превратился в чудовище и взирал на меня с вершины холма голодными глазницами окон. Вездесущий плющ облепил стены подобно антителам, атакующим вирус, а сквозь разбитые стекла наружу смотрели ветки выросших внутри деревьев. Было похоже на то, что сама природа объявила войну этому заброшенному строению. И все же дому удалось устоять, хотя его стены перекосились, а сквозь провалившуюся крышу виднелось небо.

Я попытался убедить себя в том, что, несмотря на всю эту разруху, здесь еще может кто-то жить. Там, откуда я приехал, такое случалось и довольно часто. Заброшенный, пришедший в полный упадок дом с вечно задернутыми шторами где-нибудь на окраине городка вполне мог оказаться жилищем престарелого отшельника, обитающего там с незапамятных времен и питающегося исключительно лапшой быстрого приготовления и обрезками собственных ногтей. Как правило, о его существовании узнавали, только когда в дом вламывался оценщик недвижимости или какой-нибудь особенно рьяный переписчик населения. Состарившись, люди часто перестают ухаживать за своим обиталищем. По той или иной причине родственники списывают их со счетов и забывают о них. Это грустно, но так бывает. И это означало, что мне оставалось одно: подойти к двери и постучать.

Собрав остатки храбрости, я преодолел высокие заросли травы, отделяющие меня от дома, подобрался к крыльцу, от которого осталась лишь куча гниющих досок и раскрошившейся кафельной плитки, и попытался заглянуть в треснувшее окно. Все, что мне удалось различить сквозь грязное стекло, это смутные очертания мебели, поэтому я постучал в дверь и сделал шаг назад, прислушиваясь к зловещей тишине и нащупывая в кармане письмо госпожи Сапсан. Я прихватил его на тот случай, если бы мне пришлось доказывать, что я тот, за кого себя выдаю. Прошла минута, потом вторая, и постепенно мне стало ясно, что, скорее всего, письмо не понадобится. Спустившись обратно во двор, я пошел вокруг дома в поисках другого входа, а заодно попытался оценить размеры здания. Дом был огромным: с каждым поворотом он словно обрастал все новыми балконами, башенками и дымоходами. И с обратной его стороны я наконец увидел то, что искал: оплетенный плющом и зияющий чернотой проем без двери. Он был похож на открытый рот, только и ожидающий возможности меня проглотить. От одного взгляда на эту дыру у меня по коже поползли мурашки. Но я прилетел из другой части света не для того, чтобы при виде старого дома взвизгнуть в панике и убежать. Я вспомнил о тех ужасах, которые пришлось пережить дедушке Портману, и моя решимость окрепла. Если в этом доме кто-то был, я знал, что я его найду. Я поднялся по рассыпающимся ступеням и переступил через порог.

* * *

Стоя в темной, как склеп, прихожей, я, оцепенев от ужаса, смотрел на то, что кому угодно на моем месте показалось бы висящими на крючках человеческими кожами. На мгновение мне стало по-настоящему страшно. Я ожидал, что из мрака на меня вот-вот выскочит жуткий каннибал с тесаком в руке. Затем я вдруг понял, что смотрю на… пальто, позеленевшие от сырости и превратившиеся в лохмотья. Меня пробрала дрожь, и я сделал глубокий вдох. Я успел обследовать всего десять футов дома, а уже чуть было не испачкал нижнее белье. Держись, – приказал я себе и медленно двинулся вперед, пытаясь унять бешено бьющееся в груди сердце.

Каждая комната являла моим глазам картину, еще более жуткую, чем предыдущая. Разбросанные игрушки, свидетельствующие о том, что когда-то здесь играли дети, были окутаны толстым слоем пыли. Черная мохнатая плесень покрывала участки стен возле окон. Камины были забиты спустившимся с крыши плющом, который, подобно щупальцам пришельцев, уже начал расползаться по полу. Кухня напоминала лабораторию, в которой проводился научный

эксперимент, окончившийся страшной катастрофой. Банки с консервами не выдержали бесконечной череды замерзания и оттаивания и взорвались, забрызгав стены жуткого вида пятнами. В столовой пол был укрыт осыпавшейся с потолка штукатуркой, и казалось, что тут выпал, да так и не растаял снег. Почти на ощупь дойдя до конца коридора, я осторожно опробовал нижнюю ступеньку шаткой лестницы. Она застонала, как будто пробудившись от долгого сна. Я оглянулся на следы, оставленные моими ботинками в глубокой пыли. Если наверху кто-то жил, он давно оттуда не спускался.

Наконец я набрел на комнаты, в которых недоставало целых стен и в которые успели вторгнуться заросли кустов и молодых деревьев. Стоя на неожиданном ветру, я пытался понять, что могло произвести подобные разрушения, и мной овладевало ощущение, будто это было что-то ужасное. Мне не удавалось сопоставить идиллические воспоминания дедушки с этим кошмарным домом. Как он мог найти убежище в этой пронизанной ужасом атмосфере? Я обследовал только малую часть дома, но внезапно мне показалось, что я понапрасну теряю здесь время. В этих развалинах не мог жить даже самый нелюдимый отшельник. Я покинул дом с ощущением, что нахожусь как никогда далеко от разгадки дедушкиной тайны.

Глава четвертая

Спотыкаясь и оступаясь, как слепец, я пробрался сквозь лес и туман и снова вышел в мир тепла и света. Солнце уже садилось, окрашивая холмы в красноватый цвет, и это меня очень удивило. Выходит, я провел в доме целый день. В пабе меня уже ожидал отец. На столе перед ним стояли ноутбук и бокал черного как ночь пива. Я подсел к нему и схватил бокал, прежде чем он успел поднять глаза от клавиатуры.

– О Господи, – давясь пивом, воскликнул я, – что это?! Ферментированное машинное масло?

– Вроде того, – расхохотался отец, выхватывая у меня бокал. – Это тебе не американское пиво. Но ты ведь его еще не пробовал, верно?

– Конечно нет, – ответил я, заговорщически подмигивая отцу, хотя это было чистой правдой.

Папа предпочитал считать меня рисковым и предприимчивым, таким, каким в моем возрасте был он сам. Мне было выгоднее ему подыгрывать, и я не пытался его разубеждать.

Я выдержал краткий допрос относительно того, как нашел дом и кто меня туда отвел. Поскольку я уже знал, что гораздо проще умолчать о некоторых деталях, чем придумывать новые, я с честью выдержал испытание. И естественно забыл упомянуть о том, как Червь и Дилан обманом заставили меня шагнуть в овечье дерьмо, а потом сбежали, не дойдя полмили до цели путешествия. Папа, похоже, остался доволен тем, что я уже успел завести знакомства среди ровесников. Наверное, я также забыл рассказать ему о том, что они успели меня возненавидеть.

– Ну и как тебе дом?

– Куча мусора.

Он поморщился.

– Прошло очень много времени с тех пор, как в нем жил твой дедушка…

– Ага. И не только он.

Отец закрыл компьютер, что было верным знаком того, что он полностью переключил внимание на меня.

– Я вижу, ты разочарован.

– Я пролетел тысячи миль не для того, чтобы найти дом, полный жутковатых обломков.

– Что ты собираешься делать?

– Искать людей, которые смогут мне хоть что-нибудь рассказать. Кто-то должен знать, что случилось с жившими в доме детьми. Я думаю, некоторые из них еще должны быть в живых. Если не здесь, то на большой земле. Пусть даже и в доме престарелых.

– Конечно. Это идея, – неуверенно произнес папа и, помолчав, добавил: – Как тебе кажется, приезд сюда поможет тебе лучше понять, кем был твой дедушка?

Я задумался.

– Не знаю. Наверное. Но атмосфера тут особенная.

– Вот именно, – кивнул папа.

– А как насчет тебя?

– Я? – Он пожал плечами. – Я очень давно перестал пытаться понять своего отца.

– Грустно. Разве тебе не было интересно?

– Конечно, сначала мне было интересно. Но спустя какое-то время любопытство угасло.

Я почувствовал, что разговор начинает причинять мне некий дискомфорт, но все равно продолжал настаивать:

– Почему?

– Когда тебя долго не впускают, ты отчаиваешься и перестаешь стучаться. Ты меня понимаешь?

Он почти никогда так со мной не разговаривал. Возможно, его теперешняя откровенность объяснялась воздействием пива или тем, что мы находились так далеко от дома. А может, он решил, что я уже достаточно взрослый и со мной можно кое-чем поделиться. Как бы то ни было, я хотел, чтобы он продолжал говорить.

– Но ведь он был твоим отцом. Как ты мог сдаться?

– Я не сдался! – возразил папа несколько громче, чем следовало бы, и смущенно опустил глаза. – Просто… Дело в том, что… Мне кажется, твой дедушка просто не знал, как быть отцом. Но считал, что обязан продолжить род, поскольку никто из его братьев и сестер не пережил войну. Выход из ситуации он впоследствии нашел в постоянных командировках и выездах на охоту. Но даже когда он был дома, то держался так, будто его не было.

– Ты о том Хэллоуине?

– О чем?

– Ну, о той фотографии.

Речь шла об очень старой истории, случившейся на Хэллоуин. Моему папе было года четыре, и он никогда еще не выпрашивал у соседей сладости, грозя им какой-нибудь шалостью. Дедушка пообещал, что пойдет с ним, когда вернется с работы. Бабушка купила папе нелепый бледно-розовый костюм кролика, он надел его и сидел возле дома с пяти часов вечера до самой ночи. Но дедушка не пришел. Бабушка так разгневалась, что сфотографировала, как папа плачет на улице, чтобы показать дедушке, какой он мерзавец. Излишне объяснять, что среди членов нашей семьи эта злосчастная фотография обрела легендарную известность, и мой папа ее очень стеснялся.

– Речь идет не об одном-единственном Хэллоуине, – пробормотал папа. – Это случалось гораздо чаще. Если хочешь знать, Джейк, ты был ему гораздо ближе, чем я. Не знаю… Между нами всегда оставалась какая-то недосказанность.

Я не знал, как ему ответить. Неужели он ревнует? – промелькнула мысль.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что ты мой сын и я не хочу, чтобы ты страдал.

– Почему я должен страдать?

Он промолчал. В окно мягко светили последние лучи заходящего солнца, и наши фигуры отбрасывали на стену темные тени. У меня в животе возникло тошнотворное ощущение. Так, наверное, чувствуют себя дети, когда родители собираются сообщить им о разводе, но те знают об этом еще прежде, чем кто-то успеет открыть рот.

– Я никогда не пытался слишком глубоко понять твоего дедушку, потому что боялся того, что могу узнать, – наконец произнес отец.

– Ты хочешь сказать, насчет войны?

– Нет. Дедушка никогда не говорил о войне, избегая мучительных воспоминаний. Это мне было понятно. Я имею в виду его поездки, его постоянное отсутствие… То, чем он занимался на самом деле. Я думаю, что… и твоя тетя, и я… мы оба считали, что у него есть другая женщина. Может, даже не одна.

Его слова как будто повисли между нами в воздухе. Я ощутил странное пощипывание на лице.

– Папа, но это безумие.

– Однажды мы нашли письмо. Какая-то женщина, имени которой мы так и не узнали, написала его твоему дедушке. Я тебя люблю, я по тебе скучаю, когда ты вернешься… И все в таком духе. Это было так нечистоплотно… Я никогда этого не забуду.

Я почувствовал обжигающий укол стыда, как будто отец описывал мое собственное преступление. И все же я не мог в это поверить.

– Мы разорвали письмо и бросили обрывки в унитаз. Больше мы ничего подобного не находили. Наверное, он стал осторожнее.

Я не знал, что сказать. Я не мог даже взглянуть отцу в лицо.

– Прости, Джейк. Должно быть, тебе очень тяжело узнавать такое, ведь ты его боготворил.

Он сжал мое плечо, но я стряхнул его руку и вскочил, царапнув пол ножками стула.

– Никого я не боготворил.

– Ладно. Я просто… Я не хотел, чтобы это стало для тебя неожиданностью, вот и все.

Я схватил куртку и перебросил ее через плечо.

– Что ты делаешь? Сейчас нам принесут ужин.

– Ты ошибаешься насчет дедушки, – вместо ответа произнес я. – И я это докажу.

Папа устало вздохнул.

– Ну хорошо, – согласился он. – Надеюсь, тебе это удастся.

Хлопнув дверью, я выбежал из «Тайника Священника» и зашагал куда глаза глядят. Иногда просто необходимо выйти за дверь.

Отец, конечно, был прав. Деда я действительно боготворил. И хотел, чтобы мое представление о нем осталось таким, каким было прежде. Я отказывался верить в то, что он изменял жене. Когда я был маленьким, фантастические истории дедушки Портмана указывали на то, что волшебство существует. Даже после того, как я перестал в них верить, в дедушке все равно оставалось что-то магическое. Он пережил столько ужасов, до неузнаваемости изуродовавших его жизнь, видел всю мерзость, на которую только способны люди, и вышел из всего этого тем порядочным, честным и смелым человеком, которого я знал. Это поистине было магией. Поэтому я не мог поверить в то, что он лгал жене и детям и был плохим отцом. Потому что если дедушка Портман был бесчестен, то кому же тогда можно верить?

* * *

Двери музея были открыты, но мне показалось, что внутри никого нет. Я пришел туда в поисках хранителя, рассчитывая на то, что он знаком с историей острова и знает людей, способных пролить свет на тайну пустого дома и исчезновения его бывших обитателей. Он, видимо, куда-то вышел, поскольку наплыва посетителей явно не наблюдалось. Поэтому я вошел в его святая святых с тем, чтобы убить время, разглядывая музейные экспонаты, если их можно было назвать таковыми.

Предметы располагались в больших витринах, которые выстроились вдоль стен на месте убранных оттуда скамей. По большей части они были неописуемо скучными и рассказывали об укладе жизни в традиционной рыбацкой деревне и загадках местного животноводства. Впрочем, один экспонат стоял отдельно, располагаясь на почетном месте в центре комнаты. Он был заключен в изящный ящик, покоившийся на возвышении, где некогда было место алтаря. Это сооружение было отгорожено от остального помещения канатами. Я переступил через несерьезное ограждение, даже не удосужившись прочесть небольшое предостерегающее объявление. У ящика были полированные деревянные бока и крышка из оргстекла, поэтому заглянуть внутрь можно было только сверху.

Когда я сделал это, у меня вырвался возглас ужаса. На одно жуткое мгновение в голове промелькнула паническая мысль – чудовище! – потому что я совершенно неожиданно оказался лицом к лицу с почерневшим трупом. Его съежившееся тело, покрытое черной плотью, которую как будто поджарили на открытом огне, необъяснимым образом напоминало существо, преследовавшее меня в кошмарных снах. Но поскольку тело осталось лежать внутри витрины, вместо того чтобы ожить, разбить стеклянную крышку и вцепиться мне в горло, тем самым навеки искалечив мой мозг, – первоначальная паника немного утихла. Передо мной находился всего лишь музейный экспонат, пусть и очень зловещий.

– Я вижу, ты уже познакомился с нашим стариком! – произнес позади меня чей-то голос. Я обернулся и увидел приближающегося ко мне хранителя. – Ты выдержал это испытание на удивление хорошо. На моих глазах теряли сознание и падали на пол взрослые мужчины! – Он улыбнулся и протянул мне руку. – Мартин Пагетт. Мы уже встречались, но я не припоминаю, чтобы ты называл мне свое имя.

– Джейкоб Портман, – представился я. – Кто это? Самая знаменитая в Уэльсе жертва убийства?

– Ха! Видишь ли, может, ты и прав, но я так не думаю. Перед тобой старейший житель нашего острова, в археологических кругах известный под именем Человек с Кэрнхолма, а для нас он просто Старик. Ему больше двух тысяч семисот лет, хотя на момент смерти было всего шестнадцать.

– Две тысячи семьсот! – воскликнул я, покосившись на лицо мертвого мальчика, на его тонкие, удивительным образом идеально сохранившиеся черты. – Но он кажется таким…

– Вот что происходит, когда проводишь свои лучшие годы в месте, где нет кислорода и потому не могут существовать бактерии. Например, на дне одного из наших болот. Там, внизу, неиссякаемый источник молодости. Разумеется, при условии, что ты уже мертв.

– Так вы нашли его в болоте?

Он засмеялся.

– Это был не я. Это сделали резчики торфа. Еще в семидесятые годы они разрабатывали торфяник возле большой груды камней. Парень так хорошо сохранился, что они решили – на Кэрнхолме орудует убийца. Но полицейские, которых вызвали рабочие, обратили внимание на каменный лук у него в руках и ожерелье из человеческих волос на шее. Сейчас таких не делают.

Меня передернуло от отвращения.

– Это похоже на человеческое жертвоприношение.

– Вот именно. Его придушили, притопили, вырезали у него внутренности, а напоследок ударили по голове. Мне кажется, те, кто это делал, немного перестарались. А ты как думаешь?

– Наверное, вы правы.

Мартин прыснул со смеху.

– Наверное!

– Ну хорошо, хорошо, конечно, перестарались.

– Вне всякого сомнения. Но самым удивительным для нас, современных людей, фактом является то, что, по всей вероятности, он пошел на смерть по доброй воле. Я бы даже сказал, что он стремился к смерти. Его племя верило в то, что болота, и в частности наша местная трясина, служат входом в мир богов, а значит, просто идеальным местом для того, чтобы предложить им самый драгоценный дар – себя.

– Что за бред!

– Тут я с тобой соглашусь. Хотя нетрудно предположить, что те тысячи разных способов, которыми мы убиваем друг друга, тоже покажутся бредом людям будущего. Да и вообще, трясина не такое уж скверное место и вполне подходит на роль входа в потусторонний мир. Это ведь не совсем вода и не совсем суша. Это нечто среднее. – Он склонился над ящиком, изучая лежащую внутри фигуру. – Не правда ли, он прекрасен?

Я снова перевел взгляд на удушенное, освежеванное и утопленное тело, каким-то образом в процессе столь сложного убийства обретшее бессмертие.

– Мне так не кажется, – покачал я головой.

Мартин выпрямился и вдруг заговорил напыщенным тоном.

– Приди же и взгляни на смоляного человека! Он возлежит здесь в черноте, чернее сажи нежное лицо, усохли руки, ноги, в головешки обратясь, в обломки кораблекрушенья, остатки плоти – что увядшая лоза! – Он выбросил вперед руки и подобно эпатажному актеру засеменил вокруг витрины. – Приди же, восхитись жестокой красотой его ранений! Извилистый узор от лезвия ножа, веревка, впившаяся в горло, и камня рваный след, кости осколки – все на виду! Плод ранний сорван и отброшен – искатель Благодати, ты, старик, обретший юность навсегда, – в тебя почти влюблен я!

Он театрально поклонился в ответ на мои аплодисменты.

– Ух ты! – воскликнул я. – Это вы написали?

– Виновен, каюсь, – со смущенной улыбкой кивнул Мартин. – Я изредка балуюсь стихосложением, но это всего лишь хобби. Как бы то ни было, спасибо, что выслушал.

Я смотрел на него и спрашивал себя, что делает на Кэрнхолме этот странный словоохотливый человечек в отутюженных брюках, автор сыроватых стихов, похожий скорее на банковского служащего, чем на жителя острова, открытого всем ветрам и не знающего асфальта.

– Мне очень хотелось бы показать тебе остальные экспонаты нашей коллекции, – между тем произнес он и, схватив меня под локоть, потащил к двери. – Но боюсь, нам пора закрываться. Впрочем, если бы ты смог прийти завтра…

– Вообще-то, я рассчитывал кое-что у вас узнать, – ответил я, обеими ногами врастая в пол. – Это насчет того дома, о котором я спрашивал. Я к нему ходил.

– Да ну! – удивленно воскликнул он. – Я полагал, мне удалось тебя запугать. И как нынче поживает наш особняк с привидениями? Стоит на месте?

Я заверил его, что все именно так и есть, и перешел к делу.

– Те люди, которые там жили… вы, случайно, не знаете, что с ними случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Этот красивый фольклорный стиль получил свое название от гор Адирондак, которые находятся на северо-востоке штата Нью-Йорк (США), где он и возник в середине XIX века. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

2

Амиши – религиозное движение последователей Якоба Аммана, возникшее в 1693 году в Европе. Амиши ценят сельскую жизнь, ручной труд, скромность и простоту. В настоящее время большинство из них проживает в США и Канаде.

3

Шафлборд – состязательная игра на размеченном корте с использованием киев и шайб.

4

Шредер – устройство, используемое для измельчения бумаги.

5

Гуакамоле – закуска из пюрированной мякоти авокадо, блюдо мексиканской кухни.

6

Популярные чистящие и моющие средства.

7

Битбоксинг – искусство создания и имитации ритмических рисунков (битов) и мелодий при помощи голосового аппарата и артикуляций органами рта.

Купить: https://tellnovel.com/rensom-riggz/dom-strannyh-detey-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити